

Полина Флёр

Поцелуй василиска

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Никогда не думала, что однажды попаду в магический мир! Теперь меня принимают за наследницу знатного рода драконов, а мачеха насильно выдала меня замуж за жестокого фессалийского генерала. Его сердце отравлено, взгляд смертелен, а брак со мной — его последняя надежда избавиться от проклятия. Вот только жена василиска обречена на гибель в первую же брачную ночь.

Удастся ли мне избежать смертельной опасности? По силам ли раскрыть дворцовые тайны и решить, где же теперь мой дом?

Полина Флер

Поцелуй василиска

*Посвящается Елене В. и ее дочери Карине,
без которых не случилось бы сказки*

Глава 1

Студентка, попаданка, наследница

Бежала, на ходу натягивая курточку. Проспала, проспала, проспала! Не надо было вчера до половины второго ночи болтать по скайпу с Артемом, да еще накануне зачета по немецкому. Вот и доболталась, что утром из пушки не разбудишь, прощай, тщательный утренний макияж. Рыжую гриву стянула в хвост, надела джинсы, новую васильковую блузку и ботильоны на каблуке, из сумочки, как назло, вываливались конспекты и шаргалки, по телефону визжала суматошная Юлька:

— Маш, ты где? Я тебя на остановке уже пятнадцать минут жду!

— Бегу, Юль. Бегу и падаю, — ответила я, запнувшись о ступеньку и действительно едва не упав носом в лужу.

— Не будет через пять минут — я еду, — сказала Юлька и сбросила вызов.

— Смотри, куда прешь! — заверещала противная тетка с мелкой собачкой на поводке.

Я притормозила, пытаюсь сделать сразу два дела: не выронить телефон и разминуться и с теткой, и с собачкой: мелкий той-терьер в синем комбинезончике облаивал меня, прилежно роя задними ногами газон.

— Простите, — буркнула я.

Тетка прощать не собиралась и продолжала на пару с собакой облаивать меня в спину:

— Прет, понимаешь, глаза вылупив! Куда с утра пораньше? Развелось проституток, приличным людям не пройти! Ишь, вырядилась! Змеища!

Я отмахнулась, пытаюсь до ушей натянуть воротник. Моросил противный весенний дождик, а зонтик я конечно же не взяла. Да тут до остановки недалеко: обогнуть панельную «свечку» можно напрямик, через газоны, лавируя между бесконечными иномарками, там и сям припаркованными вдоль бордюров.

Снова затрезвонил телефон. Ну неужели нельзя подождать лишних пять минут?! Юль, да бегу я! Вон уже и остановку вижу. Телефон не унимался, действуя на нервы, как и мелкая морось, капающая за воротник. Хотела удачный день? Получи, Маша, и распишись.

Не сбавляя шага, я принялась расстегивать сумку. Телефон, завалившись под конспекты, раздражающе звенел и звенел. А вдруг это Артем? Я заулыбалась, вспоминая вчерашний разговор. Скорее бы выходные, сходили бы с ним в кино, а потом... В груди потеплело, когда я подумала, что будет потом. Наконец нащупала телефон и увидела, как от остановки Юлька машет мне рукой.

— Иду! — крикнула я и шагнула на дорогу.

Летящую «Приору» я заметила в последний момент, но сделать ничего не успела и почувствовала удар. Такой сильный, что все внутри сжалось и оборвалось. Сознание я потеряла еще до того, как ударилась о землю...

Я очнулась от влажных прикосновений ко лбу, щекам, подбородку. Почему так темно и холодно? Я уже умерла или еще нет? Уберите это!

— Уберите, — простонала я, отводя чью-то руку.

Веки тяжело открывались, тусклый свет лился от изголовья, неприятный и желтый, в нем плавали пылинки, и очень хотелось чихнуть. Я сморщилась.

— Герр доктор, она очнулась.

Голос похож на Юлькин. Я снова застонала и попыталась пошевелиться, но тело слишком слабое, голова дурная, боль тупо засела в затылке.

— Нюхательную соль, скорее.

Я что-то замычала, пытаюсь позвать Юльку. В желтом свете расплывались силуэты, пахло лавандой и накрахмаленным бельем. Под нос сунули какую-то склянку. Резкий запах заставил меня откинуть голову, и я все-таки чихнула.

Голова отозвалась звоном и гулом, зато силуэты обрели четкость, и я увидела склонившееся над собой лицо мужчины с пушистыми бакенбардами.

— Сколько пальцев видите, фройлен? Сколько пальцев? — Его рука тряслась перед глазами, пальцы двоились.

— Три? — наобум предположила я и испугалась своего голоса, слабого и больного.

— Верно, — с удивлением ответил мужчина и выпрямился. — Жюли, душечка, не стойте столбом. Поменяйте розовую воду и принесите чистое полотенце. И скажите фрау, что фройлен Мэрион очнулась.

— Слушаюсь, господин доктор. — Девушка в простом коричневом платье и белом фартуке изящно присела, склонила темноволосую головку и выпорхнула из комнаты.

— Что со мной? — спросила я, едва ворочая языком.

Где я вообще? В больнице? У кого-то дома? Наверное, все-таки дома, и дом этот очень богат, на потолке лепнина с крылатыми херувимами, на окнах слегка раздвинутые шторы, тяжелые и лиловые, в тон нежно-лавандовых обоев, лампы не горят, кроме одной, той, что над моей кроватью. Мужчина с бакенбардами присел на краешек, погладил мое колено через шелковое, тоже лавандовое одеяло.

— Успокойтесь, фройлен Мэрион, вам нельзя волноваться после такой тяжелой болезни.

— Какой болезни? — Я выпростала из одеяла руку и вздрогнула — такая она худая и анемичная, венки просвечивают сквозь фарфоровую кожу, а на пальце — золотое колечко.

Но я не носила золото!

— Вашей болезни после того, как вы упали с лошади и ударились головой, — терпеливо пояснил доктор.

У него был мягкий голос и полноватые руки, костюм какой-то старомодный, коричневая в полоску тройка и золотая цепочка часов, тянущаяся через живот.

— Разве меня не сбила машина? — спросила я.

Доктор грустно улыбнулся, заглядывая мне в лицо.

— Бедное дитя. Вы заговариваетесь, вы в бреду, но я обещал его сиятельству, что к свадьбе вы полностью поправитесь. А вот и Жюли.

Уже знакомая мне девушка торопливо вбежала, неся на подносе кувшин и кипенно-белое, сложенное вчетверо полотенце. Доктор принял из ее рук поднос, поставил на стол, потом смочил полотенце и принялся обтирать мое лицо. По коже сразу пошли мурашки, я попыталась оттолкнуть его руки:

— Не надо... пожалуйста.

В голове крутились услышанные слова. Его сиятельство? Свадьба? О чем говорит этот человек?

Я попыталась приподняться на локтях, но голова закружилась, и перед глазами заплясали оранжевые мушки.

— Рано вставать, рано! — прикрикнул доктор и погрозил толстым пальцем. — Ох и егоза! Ох и ящерка! Убьетесь, а герр доктор отвечай перед фрау и генералом.

Он поцокал языком и насильно надавил на плечи, возвращая меня в кровать. Я протестующе замычала, но доктор быстро накапал что-то янтарное и густое на деревянную ложку и ловко сунул мне в рот, тут же прикрыв мои губы влажными пальцами:

— Пейте-пейте, фройлен! Не капризничайте! Глотайте же!

Густая жидкость была сладкой, с мятным привкусом. Я покорно проглотила и улеглась, натянув одеяло до подбородка. Это ободрило доктора, и он похлопал меня по щеке:

— Умница, фройлен. Вот так, будете слушаться, и к вечеру я разрешу вам подняться. Хорошо?

Я кивнула, глядя в потолок и считая нагло рассеявшихся херувимов. У младенцев почему-то были кожистые крылья и хитрые мордочки ящериц.

«Так и сходят с ума, — подумала я, закрывая отяжелевшие веки. — Может, лежу сейчас в коме, и все это мне снится...»

И провалилась в сон без сновидений.

Когда я проснулась, головная боль прошла, и в глазах ничего не двоилось. Комната не пропала и не изменилась, все так же тускло светила ночная лампа, в кресле дремала Жюли, уронив подбородок на грудь. Станный сон, с продолжением. Или я умерла и попала в чистилище. Вон у крайнего херувима торчит острый хвост, не ангелок, а натуральный демоненок. Осторожно, чтобы не разбудить девушку, я поднялась на подушках, их было очень много, больших и маленьких, обкладывающих меня со всех сторон. Одеяло соскользнуло в ноги, и сквозняк заохолодил кожу. Я зябко повела плечами и спустила ноги с кровати.

Пол устилал белый ковер с густым и очень мягким ворсом. Подтянула сползающую лямку ночной рубашки, длинной, до самого пола, и такой же белой, как простыня.

«И как мое лицо», — хмуро добавила про себя, разглядывая отражение в трюмо.

Что авария была, я ни на минуту не усомнилась, вон и синяк на лбу, и царапина на подбородке. Лицо мое и не мое: тот же вздернутый нос в веснушках, но щеки впалые, под глазами тени, губы обветренные и бледные, как после затяжной болезни. Зато волосы куда гуще и длиннее моих, каскадом покрывают плечи и падают за спину густой рыжей волной.

Я задумчиво намотала локон на палец и слегка потянула. Проснусь или нет? Вот бы проснуться в своей спальне, а потом рассказать странный сон Юльке. Ох и посмеемся мы с ней! Хоть роман пиши под названием «Вот я попала!»

На трюмо склянки, маленькие и большие, пузатые и граненые, не то духи, не то лекарства. Взяла одну, покрутила, вынула пробку и понюхала. Все тот же лавандовый запах! Кажется, им пропиталось все вокруг, начиная от моей собственной рубашки и заканчивая шторами.

Заткнула склянку пробкой и вернула на место. С краю стояла картонная рамка с двумя рисованными портретами: который слева — мой собственный. Круглое, еще не тронутое болезнью лицо с нежнейшим румянцем, рыжие волосы собраны в сложную прическу, надо лбом бисерная нить жемчуга, плечи открыты, острые ключицы обнажены, и в яремной ямке удобно лежит белая капелька лунного камня. Справа — портрет мужчины.

Я вздрогнула, едва не выпустив картонку из рук, сердце взволнованно заколотилось.

Про таких говорят: лицо с обложки. Твердый подбородок, красиво очерченные губы, прямой римский нос и иссиня-черные волосы, постриженные коротко, по-военному, над левым ухом седая прядка. Вот только глаз не разглядеть за черными очками, так плотно

пригнанными к лицу, словно мужчина родился в них. Именно эти очки почему-то приковали мой взгляд, я вглядывалась в них, холодея от мучительного предчувствия, сердце колотилось все быстрее, в ушах шумела кровь. Наконец ноги мои подкосились, я ахнула и выронила портрет.

— Ах, боже мой! — вскрикнула за спиной Жюли, просыпаясь и подскакивая с кресла, а я в полуобмороке осела в ее подставленные руки.

— Не надо, я сама, — запротестовала я, понемногу приходя в сознание.

Колени еще подгибались от слабости, тело налилось тяжестью, губы дрожат. Я дотронулась до них пальцами и отняла — на подушечках алела капелька крови. Прикусила, должно быть. Жюли усадила меня на кровать и, охая, принялась отирать лоб полотенцем, смоченным в душистой воде. Я отпихивала ее руки, бормотала:

— Не надо, я уже в порядке, все хорошо.

— Что же вы встали? — причитала девушка. — Герр доктор не велел, придет фрау Кёне, ох и заругается! Помилуйте, фройлен...

— Кто это, Жюли? — спросила я, медленно моргая и пытаюсь сфокусировать взгляд.

Комната снова расплывалась и прыгала, ангелочки-ящерки подмигивали, дразнясь острыми язычками.

— Мачеха ваша, — ответила Жюли, отбегая от меня и поднимая с пола картонку. Подула на оба портрета, обтерла фартуком и водрузила на место. — Неужто позабыли?

— Нет, я про портрет. Кто рядом... со мной?

Было непривычно говорить это. Болезненная девушка на портрете — не я, хотя и похожая на меня, как зеркальный двойник. Жюли опасно покосилась на картонку, подетски шмыгнула носом и ответила, глядя в сторону:

— Ах... неужели не узнали? Жених это ваш, генерал фессалийский, его сиятельство Дитер фон Мейердорф.

Жених? Вот как...

Я длинно выдохнула и покрутила колечко на пальце. Тонкое, очень изящное, гладкое. Явно обручальное.

«Проснись, Маша! — строго сказала себе. — Даю тебе последний шанс! На раз, два, три ты проснешься и поедешь на зачет в любимый институт, будет моросить дождик, а тетка у подъезда назовет тебя проституткой. Итак, на «три» просыпашься. Запомнила? Раз. Два. Три!»

Я ущипнула себя за запястье, но ничего не произошло. Вместо этого двери распахнулись, и в комнату вплыла высокая женщина, ее юбки шуршали по полу, как крылья мотыльков.

— Жюли, почему душно? — спросила она, поджимая узкие губы.

Девушка присела и пролепетала:

— Доктор не велел устраивать сквозняков, фрау Кёне.

— Пустяки! — Женщина властно взмахнула рукой, затянутой в шелк перчатки. — Фройлен Мэрион нужен свежий воздух! Только оденьтесь, ради бога, неприлично девушке на выданье сидеть в одной сорочке, когда в комнату могут войти мужчины.

Во второй раз мне пеняют на одежду и моральный облик. Я закатила глаза и завертела головой. Конечно, нет ни джинсов, ни блузки. Шурша оборками, фрау Кёне проследовала к окну и широким жестом раздернула шторы. Комнату затопил свет, пылинки закружились веселее, и я зажмурилась.

— Вот так, вот так! — приговаривала фрау Кёне, словно гвозди забивала. — Вот так

надо!

Она провела пальцем по рядом стоящей статуэтке, брезгливо сморщила нос:

— Лентяйка! За что жалованье плачу? Немудрено, что фройлен Мэрион никак не поправится и выглядит бледной молью. Загубишь мне товар!

Товар?!

Я чуть не подскочила и скомкала одеяло, пылая от возмущения. Но фрау Кёне, не глядя на меня, подошла к побелевшей Жюли и отвесила ей пощечину. Бедная девушка даже не пикнула, закрылась рукой и опустила голову, продолжая бормотать:

— Простите, фрау Кёне. Простите... больше не повторится...

Женщина погрозила скрюченным пальцем и сощурила водянистые, немного навывкате, глаза.

— К ужину чтобы все сияло! А вы, моя дорогая, — наконец она обратила на меня внимание, — будьте добры выполнять указания герра доктора, и к вечеру вы должны цвести, как пион. Я сообщила о вашем выздоровлении, и по такому случаю его сиятельство пожелал нанести нам личный визит.

Я вздрогнула вторично. Взгляд сам собой пополз к портрету, но между ним и мной встала фрау Кёне и, наклонившись ко мне, подцепила жесткими пальцами подбородок. От нее удушливо пахло розами, напомаженные губы растягивались в жуткую улыбку.

— И повторите правила хорошего тона, дорогая Мэрион, — грудным голосом тихо произнесла фрау Кёне, все ниже и ниже наклоняясь к моему уху, пока не прислонилась своей сухой нарумяненной щекой. — Только попробуйте не понравиться жениху и опозорить наш дом и род своего покойного отца... — Она вцепилась в мое ухо и дернула так, что я едва удержалась от вскрика, а из глаз помимо воли брызнули слезы. — Все космы повыдергаю, тонкие пальчики ваши переломаю и скормлю королевским вивернам. Все поняли, дорогая моя падчерица? Наследница дома Адлер-Кёне, проклятое семя, чертовка?

Отпустив мое ухо, фрау Кёне выпрямилась и мило улыбнулась все еще бледной служанке.

— Приготовьте госпоже платье, Жюли. Доктор разрешил прогуляться по саду, пусть наша невеста освежится. Нет сил терпеть в доме эту бледную немочь, а свежий воздух пойдет на пользу и придаст щечкам здоровый румянец. Только за пределы поместья не выходите, слышали, Жюли? За фройлен Мэрион отвечаете головой передо мной, его сиятельством и самим королем!

Глава 2

Беседа в беседке

Ухо горело, щеки горели и горели рыжие волосы в солнечном свете, пробивающемся сквозь невесомый тюль. Жюли пыхтела над прической, закалывала шпильками непослушные локоны, но они, пружиня, снова падали то на висок, то на лоб. Я сдувала их, выпячивая губы и внутренне пылая.

Товар, значит? Жених, значит? Да что себе позволяет эта старая карга?

Я закусывала губы, понимая, что в этом доме фрау Кёне позволяет себе многое. Найти бы телефон, позвонить в полицию. Да и есть ли тут телефоны? Все выглядят и ведут себя так, будто снимаются в историческом сериале.

— Не вертитесь, госпожа, я должна затянуть корсет.

От пыточного инструмента под названием «корсет» глаза на лоб полезли.

— Не так сильно! Все ребра переломаешь! — Я шлепнула ее по руке.

— Ах, простите! — Жюли ослабила шнуровку, дышать стало легче, зато грудь соблазнительно приподнялась, и лунная подвеска красиво легла в декольте. — Ну какая же вы красавица!

Я невольно зарделась и залюбовалась собственным отражением, что случалось редко. Настоящая юная леди из высшего света: в ушах изящные серьги в комплект к подвеске из лунного камня, нежно-бирюзовое платье с открытыми плечами. Лицо, конечно, бледновато, но Жюли надеялась, что прогулка на свежем воздухе это исправит.

— И так похожи на свою маму... — со вздохом добавила девушка, но тут же испуганно глянула на меня и поспешно добавила: — Ох, простите!

— Ничего, — улыбнулась я. — Мне часто об этом говорят.

— Представляю, — ответно улыбнулась Жюли. — Наверное, вы очень тоскуете по ней.

— Немного, — осторожно подыграла я. — А какая она была?

— Разве вы не помните? — удивленно приподняла брови служанка.

Я вздохнула. Когда не знаешь, что сказать, приходится выворачиваться.

— После болезни все как в тумане.

— Понимаю. — В голосе Жюли послышалось сочувствие. — Фрау Адлер была очень красива, мне так жаль, что она умерла в столь молодом возрасте. Ее портрет до сих пор висит в кабинете вашего покойного отца, хотя фрау Кёне давно завесила его портьерой. Когда вы были моложе, то часто бегали туда без спроса, и вам сильно доставалось от фрау. Но пока был жив герр Адлер-Кёне, он защищал вас.

— Папа тоже умер?

— Всего два года назад, — вздохнула Жюли. — Вы и это не помните?

— Немного, — туманно ответила я и заработала полный жалости взгляд.

— Ах, бедная госпожа! — Жюли всплеснула руками. — Если бы добрый хозяин был жив, он никогда не сосватал бы вас за его сиятельство! — Тут она опомнилась и потянула меня за локоть. — Но пойдете же в сад! К ужину вы должны цвести!

Кому должна? Уж точно не фрау Кёне, пообещавшей переломать мне пальцы, если я не понравлюсь жениху. Я снова покрутила тугое колечко, оно оказалось по размеру и совершенно не мешало, но для меня было подобно кандалам. Я не готова замуж! Я не хочу!

Тем более за неведомого мужчину, которого и в глаза никогда не видела.

Я позволила Жюли увлечь себя из комнаты, и мы спустились по широкой лестнице с перилами из красного дерева, также украшенными не то ангелочками, не то ящерками. Натертый паркет скользил под каблуками новых туфелек, подобранных в тон платью. С непривычки я ощущала себя коровой на льду и шла, придерживая подол и лоя на себе тревожные взгляды служанки. Она семенила рядом, как верная болонка, и я поняла, что девушка никогда не оставит меня одну, значит, и мысли о возможном побеге лучше отложить до поры до времени. Да и куда бежать? Это всего лишь странный сон. Скорее бы он закончился!

Широкий холл украшала резьба: цветы и стебли переплетались в удивительно изящном узоре, над головой позвякивали хрустальные подвески на люстре, и я остановилась, невольно приоткрыв рот, — во всю стену мозаикой было выложено панно, изображающее дракона. Каждая чешуйка сверкала белизной, клыки в ощеренной пасти отливали перламутром, а в глаза были вставлены топазы.

— Как красиво, Жюли! — восхищенно выдохнула я.

Девушка поклонилась, сложив на груди ладони, и ответила:

— Белый Дракон, хранитель вашего рода, моя госпожа. Я счастлива служить дому Кёне и вам.

Потом на ее лицо набежала тень. Не глядя на меня, Жюли поджимала губы, теребила фартук и все порывалась о чем-то спросить, но никак не решалась. Наконец мне стало жаль девушку, я взяла ее под руку и проговорила:

— Не бойся, Жюли. Если ты хочешь что-то мне сказать, самое время сделать это.

Она испуганно кивнула и вся зарделась, а потом тихонько ответила:

— Я бы хотела просить вас, госпожа Мэрион... когда вы выйдете замуж и уедете во дворец его сиятельства, вы могли бы взять с собой свою верную наперсницу Жюли? — она подняла на меня умоляющий взгляд.

Опять эти разговоры про замужество. Ну сколько можно! Я нахмурилась, а девушка неправильно поняла меня, распахнула от испуга глаза и залепетала быстро-быстро, путаясь в словах:

— Простите меня за дерзость, госпожа! Но я так волнуюсь... так волнуюсь за вас. Я росла рядом с вами и не мыслю жизни без вас. Может, со мной вы не будете чувствовать себя одиноко... там, на чужбине. Я знаю, вам будет страшно в этом проклятом логове василисков... а я здесь умру, умру... фрау Кёне забьет меня плетью или отдаст молодому господину, и он... Нет-нет! Я лучше брошусь в пруд с камнем на шее, чем останусь здесь одна, без вас!

Тут ее голос дрогнул, со стороны потянуло сквозняком, и я поежилась и дернула плечами:

— Да что ты такое говоришь.

Девушка, всхлипывая, схватила меня за руки и продолжила, сбиваясь:

— Если вам суждено покинуть отчий дом, я покину его с вами! И если суждено... суждено погибнуть на чужбине, — теперь слезы ручьями полились из ее глаз, — я склоню свою голову рядом с вами и вместе с вами отправлюсь на погребальный костер!

Вот теперь мне стало по-настоящему жутко. Я вспомнила портрет мужчины в темных очках, угрозу фрау Кёне скормить меня... кому? Вивернам, это я хорошо запомнила. А лучше бы не запоминала, потому что поселившийся в животе страх приподнял свою змеиную

голову и приоткрыл зубастую пасть, из которой закапал яд сомнений, разъедающий изнутри. В холле потемнело, золотой дракон притаился в тени, и я в панике потянула девушку за собой:

— Пойдем, Жюли. Конечно, я возьму тебя.

Она бросилась на колени, осыпая поцелуями мою руку и повторяя слова благодарности. У меня внутри все дрожало от плохого предчувствия, корсет нещадно давил на ребра, и в глазах помутилось. Очевидно, чуткая Жюли уловила мое состояние — она тут же поднялась с колен и распахнула двери:

— Выйдем в сад, моя госпожа. На воздухе вам будет лучше.

Такие сады я видела только на картинках. Изумрудные аллеи лучами разбегались от крыльца, у лестницы высились вазоны с нежными розами и гибискусами, белоголовая акация клонила к тропинке кудряшки. Садовник, подравнивающий кусты, остановил работу и замер в поклоне, прижимая к комбинезону большие ножницы. Я неловко помахала ему рукой и заработала встревоженный взгляд служанки. Наверное, не пристало наследнице рода Белого Дракона махать слугам, да?

— Красиво, Жюли, — улыбнулась я.

Девушка расцвела и потянула меня вдоль аллеи.

— До болезни вы здесь любили проводить время. — Она указала на уютную глицинией беседку. — Хотите, я принесу вам незаконченное рукоделие?

Рукоделие? Я вскинула брови. Да я и пуговицу пришиваю, исколов все пальцы в кровь, но теперь получила новый мир, новую семью и новые увлечения. Ничего, со временем во всем разберусь. Узнать бы, что действительно меня ожидает.

Я едва не рассмеялась: да брось, Маш! Это ведь сон, так? Расслабься и получай удовольствие, завтра посмеешься над этим с Юлькой и Артемом.

— Жюли, расскажи мне о его сиятельстве, — осторожно попросила я.

Кажется, девушка уже привыкла к моим бестолковым расспросам, поэтому почти не удивилась, только пугливо обернулась вправо, влево — никого. Она длинно выдохнула, обеими ладонями пригладила темные локоны и робко ответила, глядя в сторону:

— Что же вы хотите узнать, моя госпожа?

Действительно, что? Кто он такой? Почему меня выдают за него? Что здесь вообще происходит? Не годился ни один из этих вопросов, поэтому я задала совершенно новый, первым прыгнувший на язык:

— Почему на портрете он в темных очках?

Видимо, тут я не угадала, потому что Жюли вздрогнула, испуганно стрельнула на меня взглядом и только тогда совсем тихо проговорила:

— Потому что он василиск, моя госпожа. Разве вы не помните?

— Конечно, помню, — соврала я.

Любопытный получается мир: драконы, василиски, виверны. Немудрено, что здешние херувимы напоминают ящерок. Я вдруг вспомнила, как вслед мне злобно шипела тетка возле подъезда: «Змеища!» Что, если она меня прокляла?!

Я застыла как вкопанная, бездумно глядя перед собой. Снова как наяву почувствовала удар, затылок заныл от тупой боли, и я дотронулась дрожащими пальцами до прически.

— Вам опять плохо? — всполошилась Жюли и, подхватив меня под локоть, увела в беседку.

Здесь сновали вертлявые тени — солнце сочилось сквозь заросли глицинии, как сквозь

золотое ситечко. Я прикрыла глаза ладонью и слабым голосом спросила:

— А почему... почему он... такой?

Жюли присела рядом, погладила меня по руке:

— Ах, бедная моя госпожа! В голове у вас действительно все перепуталось от удара.

Зачем фрау Кёне затеяла званый ужин, вам еще нужен отдых.

— И все же?

Служанка вздохнула и опустила глаза.

— Генерал фон Мейердорф — бастард, незаконнорожденный сын герцога Мейердорфского, — пояснила она. — Только мне непозволительно судачить об этом.

— Я буду нема как могила, — поклялась я, но Жюли почему-то испугалась.

— Не говорите такие вещи, умоляю! — воскликнула она и суеверно сплюнула через плечо. — Я не перенесу, если с вами что-то случится. Ах, если бы был жив добрый герр Кёне! Он бы ни за что не благословил этот брак! О!

Жюли явно разнервничалась, ее личико покраснелось, она подпрыгивала на лавке, как испуганный воробышек.

— Но почему, моя хорошая? — Я взяла ее мокрые ладони в свои, несильно сжала, заглядывая в глаза, снова наполнившиеся слезами.

— Потому что фон Мейердорф проклят с рождения! — выдохнула Жюли. — Об этом знают все в Фессалии, от Теплых островов до снежного Тиррса. Он страшный человек, правда-правда! — Она снова начала задыхаться, сплывая слова. — Не погрешу против истины и бога, добрая госпожа, но, чтобы принять титул, он откусил голову собственному брату, истинному наследнику рода фон Мейердорф!

— То есть как... — начала я и умолкла, не в силах продолжить.

Перед глазами встала картинка: зубастая пасть, перекусывающая сухожилия, как щепки. Фонтаном брызнувшая кровь окатила портрет и потекла по холеному лицу. Я икнула и замотала головой, прогоняя наваждение.

— Ему никто не смеет перечить, — не унималась Жюли. — Все, на кого упадет его взгляд, обращаются в камень. Вы видели его портрет? Художник, что рисовал его, теперь выставлен на аллее перед дворцом его сиятельства. А еще генерал в одиночку разгромил отряд степных кочевников и первым приручил двенадцатиголовых болотных гидр. Теперь эти чудовища наравне с вивернами обитают в королевском зверинце.

Я никогда не видели ни гидр, ни виверн. Если это действительно сон, было бы интересно поглядеть на тех и на других.

— А как попасть в королевский зверинец? — спросила я с нескрываемым любопытством.

Жюли открыла рот, чтобы ответить, как вдруг подскочила и присела в почтительном реверансе:

— Ах, герр Кёне! Простите, не заметила вас, молодой хозяин!

Я выпрямилась и обернулась. У входа, небрежно привалившись плечом к выбеленным резным перильцам, стоял худощавый парень в сюртуке горчичного цвета. Он неприятно ухмылялся, не сводя с меня взгляда водянистых глаз, под которым стало крайне неудобно.

— Где еще я мог встретить любезную сестренку, как не в ее любимой беседке? — вкрадчиво проговорил молодой человек и лениво отлепился от перилец.

— Герр доктор велел... — начала Жюли, но парень взмахнул рукой, приказывая ей замолчать.

— Герр доктор велел то, герр доктор велел се, — передразнил он. — А я велю убираться сейчас же! Ну? Чего уставилась, дрянь! — Молодой человек хлопнул в ладоши, и Жюли подпрыгнула, стреляя глазами то в меня, то в него. — Пошла, пошла!

— Жюли... — Я протянула руку, поднимаясь.

— Я приказал оставить нас! — взревел незванный визитер, хватаясь за кнут, висевший на его поясе. — Считаю до одного! Раз!

Жюли беспомощно глянула на меня, словно прощаясь, и метнулась вон из беседки. Я возмущенно вскинула голову:

— По какому праву...

Молодой человек вошел внутрь и сжал ладонями мои обнаженные плечи. Его руки были влажными и грубыми. Я задохнулась от конского пота, смешанного с резким запахом туалетной воды.

— По такому, что я твой сводный брат Якоб, моя дорогая, — щерясь в неприятной ухмылке, ответил он. — Как же я соскучился!

Тут Якоб притянул меня к себе и впился слюнявым поцелуем в шею. Я вскрикнула и ударила его кулачками в грудь. Якоб хохотнул и прикусил зубами мою нежную кожу.

— Не спрячешься, малышка! — промурчал он, облизывая ключицу языком. — Ух, какая сладкая! Погоди-ка, дай поцеловать, пока твой бутон не смяли когти этого фессалийского чудовища!

И впился мокрыми губами в мой рот, пытаюсь просунуть язык и по-собачьи жарко дыша в лицо. Я задохнулась от омерзения, забилась в его объятиях, мотая головой и приказывая себе: «Проснись, проснись, проснись!» Но мерзавец все продолжал слюнявить мои губы, бесстыдно шаря ладонями по спине, приподнимая платье и лапая ягодички. Подонки! Не ты герой моего романа!

Кровь прилила к голове, щеки вспыхнули от гнева. Я улучила момент, когда Якоб ослабил объятия, пытаюсь распустить мой корсет, и со всей силы вдавила каблук в его ступню. Братец ахнул и дернулся, я подхватила юбки и ударила коленом в пах.

Получай!

Якоб взвыл и сложился вдвое. Я отскочила, тяжело дыша и поправляя платье. Сердце колотилось как сумасшедшее, голова гудела. Толкнув подонка плечом, прошмыгнула мимо и припустила по аллее, щипая себя за руку и повторяя как заклинание:

— Маша, просыпайся... Маша, просыпайся!

А в спину летело лающее:

— Тварь! Чертовка! Беги-беги! Все равно не скроешься! Сдохнешь! Как и все жены Дитера! Га-а!

Я вылетела к клумбе с цветущими ирисами и едва не толкнула лакея. Он подхватил меня, встревоженно выпрашивая:

— Что случилось, фройлен? Нужна помощь, да? Может, позвать герра доктора?

— Позовите лучше полицию, — зло выпалила я, отдуваясь и тыча пальцем назад. — Эта скотина... он...

Я не договорила: где-то далеко-далеко за воротами протяжно и жутко взвыли трубы.

Глава 3

Ужин с василиском

Из дома выбежала мачеха и всплеснула руками:

— Фройлен Мэрион! Вот вы где прохлаждаетесь! Скорее, скорее!

Жесткими пальцами, напоминающими когти хищной птицы, она схватила меня за руку и потащила за собой, обратно в холл. Я едва успевала, платье путалось в ногах.

— Приведите себя в божеский вид! — срывающимся от волнения голосом прокаркала фрау Кёне, подтянула мне шнуровку корсета, отряхнула запыленную юбку, ладонями пригладила локоны, убирая их за уши, потом ущипнула за щеку.

— Ай! — вскрикнула я и закрылась ладонью.

Щека зарделась, но я почему-то все равно не просыпалась. В чем дело? Давай же, Маша! Я больше не хочу находиться здесь!

— Терпи, дрянь! — прошипела мачеха, сужая в щелки черные глаза, и ущипнула за другую щеку. — Ужас какая вы бледная! Его сиятельство любит порумянее, посочнее. Еще не хватало, чтобы вы загнулись до первой брачной ночи!

— Я в невесты не набивалась, — пробормотала вслух.

Тонкие, выщипанные в нитку брови фрау Кёне поползли вверх, как живые змейки.

— Что-что-что? — задыхаясь от гнева, завопила она. — Огрызаться? Ах вы неблагодарная мерзавка!

Она подняла руку, чтобы отвесить мне оплеуху, как трубы взревели снова. Фрау Кёне побелела, заюлила глазами и закричала в глубину дома:

— Жюли! Жюли! Где ты бегаешь, несносная девчонка?

Служанка вынырнула из-под лестницы, дрожа как осинный лист.

— Приготовь фройлен Мэрион к встрече с женихом! Ах нет, не успеем, придется в таком виде... — Фрау Кёне дернула меня за мочку уха, погрозила пальцем. — Ведите себя прилично, как подобает невесте, молодая особа! Что с ужином, Жюли? Все ли готово?

— Не совсем, фрау Кёне, — почтительно присела служанка. — Его сиятельство слишком рано.

— Рано... Не твоего ума дело! Где Якоб?

— Только что я видела герра Кёне в беседке, — ответила Жюли.

Я хотела добавить, что там же герр Кёне пытался облапить меня, пока не поставила его на место, но массивные двери на противоположной стороне холла раскрылись, и пожилой дворецкий, облаченный в черный длиннополый сюртук, торжественно, на одном дыхании возвестил:

— Его сиятельство герцог Мейердорфский, верховный главнокомандующий Фессалии генерал Дитер фон Мейердорф прибыли!

— Ах! — воскликнула фрау Кёне.

— Ах! — повторила служанка.

Я прижала ладонь к груди, успокаивая несущееся в галопе сердце. Фрау Кёне потащила меня к выходу, Жюли тенью метнулась следом, и все вместе мы шагнули на широкую мраморную лестницу, опускающуюся с другой стороны сада в широкий двор, со всех сторон окруженный витой оградой.

Только не лестница и не ограда приковали мой взгляд.

Виверны!

Теперь и мне захотелось ахнуть, но я только прижала ладонь к губам и едва слышно выдохнула через ноздри.

Два огромных ящера с массивными лапами тянули вверх змеиные шеи. Чудовища, переминаясь, нешироко раскрывали рты, стянутые уздой, пытались перекусить удила, и я видела, как поблескивают в пастьях игольчатые зубы — такими запросто можно перекусить запястье. На всякий случай я спрятала руки за спиной. Кожистые крылья были сложены вдоль хребта и перетянуты ремнями. Пытаясь освободиться, виверны дергали ими и в ярости взбивали гравий тугими, свернутыми кольцами хвостами. От чудовищ несло тяжелым звериным духом, солнце жарило с высоты, постепенно опускаясь к западу, и чешуя виверн отливала то в медь, то в золото. Одна из них вытянула шею, приоткрыла пасть и издала тоскливый, скрежещущий вой. Я прижала ладони к ушам и вот теперь поняла окончательно, что это не сон.

Не сон, не сон!

Мне стало душно, в глазах замельтешили темные мушки. Я махнула рукой перед лицом и задела как из-под земли вынырнувшего Якоба. Он осклабился и, улучив момент, щипнул меня за шею:

— Попалась!

Фрау Кёне тут же обернулась через плечо и нахмурилась:

— Якоб, дорогой. Вот и вы наконец. Выразите почтение его сиятельству и распорядитесь насчет виверн.

— Как скажете, матушка, — с готовностью ответил мерзавец, нахально подмигнул мне и причмокнул губами, изображая поцелуй.

Я брезгливо покривилась и отступила. Фрау Кёне сжала мой локоть и зашипела сквозь растянутые в улыбке губы:

— Не дергайтесь, молодая кобылка. Вспомните о приличиях.

Я оглянулась, отчаянно ища лазейку. Но путь к отступлению перекрывал дворецкий, справа меня держала фрау Кёне, слева — Жюли. А впереди ревели и мотали змеиными башками чудовища. Ничуть не пугаясь, Якоб бежал к ним, на ходу разматывая хлыст. Кто-то оглушительно, по-разбойничьи свистнул, и одна из виверн как по команде склонилась к земле. На спине у нее, между шеей и основанием крыльев, оказалось приторочено седло. Сидящий в нем человек привстал на стременах, снова залихватски свистнул, завертел хлыстом, взбивая гравий под лапами чудовища, и, лихо перемахнув через седло, спрыгнул на дорожку. Подоспевший Якоб поклонился, прижимая ладони к груди, и заголосил:

— Мое почтение, ваше сиятельство! Это честь, большая честь видеть вас...

— Довольно, — перебил холодный и властный голос. — Виверн в стойло. Не кормить, они хорошо поохотились на маралов. Мне бокал вина, моему адъютанту воды. Да пошевеливайся.

Рукояткой кнута мужчина хлопнул Якоба по щеке. Хозяйский сынок вздрогнул, пролепетал:

— Слушаюсь, ваше сиятельство! — и принялся ловить поводья.

Я замерла, как замороженная глядя на приближавшегося мужчину в белоснежном военном мундире.

Это был он, человек с портрета. Генерал из Фессалии и мой жених.

Он шел расслабленно, на ходу лениво сворачивая кнут. Из-под начищенных сапог выкатывался гравий, закатное солнце горело на эполетах и отражалось от темных очков. Мне почему-то очень хотелось разглядеть его глаза. Какими они будут, человеческими или змеиными? Я всматривалась в бледное точеное лицо, в брезгливо кривящиеся губы, и шум в ушах нарастал, все сильнее мельтешили перед лицом мушки, сознание плыло, мир вращался каруселью, пожирая стоящих рядом людей, ограду, сад, виверн и оставляя только эти черные стекла, за которыми таилось... что?

— Смерть, — шепнула на ухо Жюли. — Не смотрите на него так долго, моя фройлен. Его сиятельство опасен даже в очках.

Я послушно опустила глаза, и верчение карусели замедлилось, пятна растаяли и пропали, но дыхание не выровнялось — корсет все так же сжимал грудь, и сердце бухало в такт шагам приближающегося генерала. Я видела, как черные сапоги чеканно отбили мраморные ступени, услышала не то вздох, не то стон стоявшей рядом мачехи. Будто во сне она протянула длань, и генерал почтительно взял ее ладонь своими пальцами, затянутыми в лайковую перчатку.

— Ваше сиятельство, — задыхаясь, проговорила фрау Кёне. — Я польщена...

Он наклонился, касаясь губами ее руки, и женщина вскрикнула, но тут же опомнилась и прижала ко рту ладонь:

— Простите...

— Я тоже польщен и рад приглашению, — пропуская извинение мимо ушей, ответил генерал без тени радости в голосе. — А это, надо думать, наша прелестница?

Сапоги качнулись и повернули ко мне блестящие носы. Я все еще не поднимала глаз, борясь со страхом и дурнотой, и только почувствовала, как жесткие пальцы сжали мою взмокшую ладонь.

— Счастлив познакомиться с вами, — все так же бесстрастно сказал генерал. — Да что же вы не смотрите на меня?

— Не смею... ваше сиятельство, — упавшим голосом выдавила я.

Генерал неодобрительно хмыкнул и поддел меня за подбородок, заставляя поднять лицо. Я уперлась взглядом в золотое шитье мундира, пересчитала пуговицы, остановилась на тугом стоячем воротнике, плотно охватывающем шею, мельком глянула на гладко выбритый подбородок и выше...

Тут в голове все смешалось, завертелось, поплыло, и я очнулась на руках у Жюли. Она дула мне на лоб, обмахивая платочком. Рядом, покачиваясь с пятки на носок, как кобра на хвосте, стоял генерал. Я покосилась на его лицо, на котором отражалось нескрываемое недовольство, и снова отвела взгляд.

— Очнулись? — донесся ледяной голос генерала. — Прекрасно. Но где же мое вино?

Грубо оттолкнув плечом дворецкого, он прошел в дом.

Колени все еще подкашивались от слабости, Жюли поддерживала меня как могла.

— Что со мной? — выдавила я. — Почему...

— Я предупреждала, чтобы вы не смотрели на его сиятельство слишком долго, — шепнула Жюли. — Вы едва не упали в обморок, а могли бы и умереть.

Я стиснула зубы и, преодолевая слабость, прошла через холл. Ладно, разберемся позже, куда я попала и что со всем этим делать, живой бы остаться. Еще и с кухни доносились чудесные ароматы, и я вспомнила, что не ела с утра.

В столовой приглушенно горели свечи, воткнутые в латунные рожки. Их дрожащий свет

отражался в полированной поверхности стола, занимавшего пространство от одной стены до другой, — такие я видела только в кино, и сервировка была тоже киношная, царская. Фарфоровые тарелки, блюда, бокалы на длинных изогнутых ножках, целая куча ложек и вилок... глаза разбежались, и я сразу вспомнила, как фрау Кёне наказала мне повторить правила этикета.

Фессалийский генерал и мой будущий супруг — вернее, супруг несчастной Мэрион, в теле которой так некстати оказалась я, — расположился на дальнем конце стола. На противоположном в бархатное кресло опустилась я, и Жюли тут же укрыла мое платье накрахмаленной салфеткой, а сама встала за плечом. Мачеха села от меня по правую руку, подошедший Якоб — по левую. А больше в доме господ не было, только слуги, тут же выбежавшие из кухни с закусками: вяленным мясом, салатом в хрустальных вазочках, оленьими языками, почками и запеканкой. За кресло генерала встал адъютант — молодой парень, ровесник Якоба. Он был одет в мундир попроще, по темно-синей курточке вилолось серебряное шитье, светлые волосы были заплетены в маленькую косичку, и очков никаких не было, отчего я с облегчением вздохнула. Адъютант передал генералу пузатый бокал с вином, и тот вскинул руку в тосте:

— За дом Адлер-Кёне, столь радушно принявший меня сегодня. За фройлен Мэрион, мою будущую супругу.

И, не дожидаясь ответа, опрокинул бокал в глотку.

Мачеха с сынком переглянулись, но ничего не сказали. Якоб сделал пару глотков, фрау Кёне лишь смочила губы, а я и вовсе не притронулась. Не то от переживаний, не то от недомогания, но есть хотелось безумно. Я растерянно хлопала ресницами, соображая, какую из вилок взять, и вздрогнула, когда к уху наклонилась Жюли и тихонько шепнула:

— Берите эту.

Я с благодарностью похлопала ее по руке.

Тем временем внесли суп. Передо мной поставили маленькую миску и открыли крышечку. Я с блаженством вдохнула острый аромат приправ и принялась уписывать за обе щеки, не обращая внимания ни на кислую физиономию мачехи, ни на вытянувшееся лицо Якоба. Жюли хихикнула в кулачок. Генерал оторвался от еды и поднял голову. В меня точно раскаленные спицы воткнули, я вздрогнула и уронила ложку.

— Фройлен Мэрион! — возмущенно выпрямилась мачеха. — Вы...

— Нет-нет, — перебил ее генерал. — Все в порядке. Фройлен оправляется от долгой болезни, ей нужно набираться сил.

Он продолжил пялиться на меня сквозь очки, и я не могла понять, смеется он или говорит серьезно, зато от его взгляда снова заломило в висках, и я невольно вцепилась в края скатерти.

— Ганс, плесни-ка еще вина! — быстро приказал генерал и отвел взгляд.

Раскаленные спицы, шурупами вворачивающиеся в виски, исчезли, я выдохнула и отпустила скатерть. Надо бежать. Улучить момент и бежать! Вот только куда?

— Смею спросить, ваше сиятельство, — подал голос Якоб, — как дела у нашей армии на западном фронте?

— Без перемен, — флегматично отозвался генерал, принимая у адъютанта второй бокал. — Границу укрепили, так что канторские свиньи не сунутся в Фессалию.

— А все ли благополучно в альтарской колонии? — не отставал Якоб, не обращая внимания на знаки, которые подавала ему фрау Кёне.

— По-прежнему. Тут обворовывают, там режут. Три дня назад мои солдаты повесили мятежников у главных ворот. Пусть знают шелудивые псы, как связываться с фессалийскими драконами.

Генерал сухо рассмеялся и в несколько глотков осушил бокал. Потом, оставив в сторону, наклонился над столом, и я снова ощутила, как по коже побежали колючие мурашки, но теперь генерал смотрел не на меня.

— А вы, герр Кёне, — низким голосом проговорил он, — почему не приняли военную присягу в день вашего совершеннолетия? Вы ведь знаете, что за отступничество полагается...

Он недвусмысленно и совершенно без улыбки провел ногтем под подбородком.

Якоб отшатнулся и выронил ложку. Она звякнула о фарфор, и рядом стоящая солонка опрокинулась.

— Юный господин! — подскочила в своем кресле мачеха.

Жюли бросилась к ней и, на ходу вынимая салфетку, запричитала:

— Я уберу, уберу. Не извольте беспокоиться, фрау Кёне.

И принялась ловко смахивать со стола. Я смотрела на Якоба и внутренне торжествовала: мерзавец, только и умеющий, что задирать девушкам платья, сидел ни жив ни мертв, вся краска в одночасье сошла с его лица, губы шлепали, как у выброшенной на берег рыбы.

— Я... я... — заикался он и не мог ничего сказать толком.

На помощь ему пришла фрау Кёне.

— Простите, ваше сиятельство, — сказала она. — Это все мой недогляд. Якоб рос крайне болезненным ребенком, немудрено, что я так долго опекала его. Но теперь, когда наши дома породнятся, он будет счастлив поступить к вам на службу в качестве адъютанта или...

— Конюха, — перебил ее генерал. — Этот дохляк годен только для службы конюхом, но не адъютантом. Как думаешь, Ганс?

Парень за его плечом шевельнулся и отрапортовал четко, по-военному:

— Так точно, ваше сиятельство! Конюхи нам нужны!

— Почту за честь, — просипел Якоб, зеленея от злости.

Фрау Кёне поджала губы и велела подавать вторые блюда.

Принесли утку с яблоками, молочного поросенка на вертеле, рыбное филе под соусом и котлеты из рябчиков. Мне с фрау Кёне отрезали всего по кусочку, мужчины налегли на мясное, и каждое блюдо генерал запивал доброй порцией вина прямо из кувшина, который в конце концов забрал из рук адъютанта Ганса. Пил и не пьянел, держал осанку, но с каждой минутой становился все угрюмее. Рядом с ним каждый чувствовал себя не в своей тарелке, кусок не лез в горло, и фрау Кёне все порывалась что-то спросить, но робела. Когда половина тарелок опустела, она все-таки решилась:

— Как насчет того, чтобы обговорить дату свадьбы, ваше сиятельство?

Я замерла, забыв дышать. Снова вернулось ощущение нереальности происходящего. Я сидела в богато убранной столовой, стилизованной под старину, я — студентка из двадцать первого века. Что я тут делаю, среди драконов, виверн, господ и слуг? Бежать бы... вот только куда?

Генерал молча прожевал кусок, отхлебнул из кувшина, промокнул губы и ответил:

— Согласен. Среда вам подходит?

— Вполне, — улыбнулась фрау Кёне и повернулась к служанке: — Запиши, Жюли!

Первая среда следующего месяца!

— Этого, — поправил генерал.

Мачеха дернулась, точно через нее пропустили электрический ток, высоко вскинула брови:

— Но ведь это...

— Послезавтра.

Теперь дернулась уже я. Не может быть! Я не согласна! Почему никто не спрашивает меня, хочу ли я выходить замуж?

— Ну, знаете... — начала я и получила обжигающий взгляд от мачехи.

— Ваше сиятельство, — елеиным голоском заговорила она, — не кажется ли вам, что это как-то быстро...

— Не кажется, — отрезал генерал. — Мы тянули достаточно.

— Но фройлен Мэрион еще слаба, она еще не совсем поправилась...

— Фройлен вполне хорошо себя чувствует, — жестко проговорил генерал и, растянув губы в холодную усмешку, добавил: — Судя по ее аппетиту.

Я вспыхнула и в возмущении отложила салфетку. Нахал!

— А как же приготовления? — растерянно проговорила фрау Кёне, не ожидавшая от генерала такой прыти. — Мы должны выбрать церковь, договориться со святым отцом...

— Неподалеку отсюда я видел церквушку, — перебил генерал. — За десять золотых священник обвенчает меня хоть с чертом.

— Украсить ее к торжеству...

— Я человек военный и пышности не люблю.

— Разослать приглашения...

— Предпочитаю свадьбу в семейном кругу.

— Выбрать подвенечное платье, наконец!

— Мне нравится это. — Он ткнул пальцем в мой нежно-голубой наряд.

Фрау Кёне расстроено всплеснула руками и простонала:

— Но как же приданое? Я должна приготовить приданое моей девочке, моей любимой падчерице...

— У вас было время заняться этим, фрау Кёне, — в раздражении ответил генерал. — Свадьба будет послезавтра, и ни днем позже!

В подтверждении своих слов он стукнул кулаком по столу. Приборы жалобно звякнули, солонка опрокинулась вторично.

«Рассыпать соль — к несчастью», — прокрутилось в голове, и я рывком поднялась с места.

— Да вы что? — задыхаясь, возмущенно начала я. — Как можно... по какому праву вы обсуждаете меня за моей спиной, распоряжаетесь мной, как мебелью? — Я вскинула подбородок и ткнула пальцем в фрау Кёне. — Вы и ваш отвратительный невоспитанный сынок! Слабак, только и умеющий, что избивать служанок плетьюми и зажимать юных девушек! Трус! — выплюнула я в лицо Якобу. — И я вовсе не собираюсь замуж! Ни за вас, — я указала на генерала, — ни за кого-то еще! Я вообще не должна тут находиться! Не хочу быть здесь! Идите к черту!

Возмущение захлестнуло меня с головой, щеки вспыхнули, и, круто развернувшись, я опрометью бросилась из столовой.

— Вернитесь немедленно, фройлен! — донесся в спину насыщенный яростью оклик фрау

Кёне.

— К черту! — повторила я, подхватила мешающие юбки и вылетела в холл.

Теперь куда? Наверх, в спальню? Или в сад? Из сада проще сбежать, но там, во дворе, виверны. Я содрогнулась, вспомнив их хищные пасти. И даже если смогу пробежать мимо них, куда идти потом? Этот мир чужд мне, и я чужачка в нем. Тогда в спальню? Оттуда нет выходов, но как-то ведь я оказалась в кровати, очнувшись после аварии. Возможно, в спальне находится какой-то портал. Знать бы, где именно.

Поразмыслить мне толком не дали, сзади зазвучали тяжелые шаги. Ну конечно, кто-то обязательно должен броситься в погоню за строптивой невестой! Кто бы это мог быть? Жюли? Походка явно мужская, шаг четкий. Якоб со своим кнутом? Дворецкий? Адъютант Ганс?

В панике метнулась под лестницу и притаилась в густой тени, задержав дыхание, слушая только удары собственного сердца и стук каблуков по паркету. Остановился? Кажется, да. Я зажала лот ладонью, умоляя, чтобы не заметил, прошел мимо. Шаги возобновились и вскоре застучали над головой, человек поднимался по лестнице. Я с облегчением вздохнула и опустила руку. Как хорошо, что не стала подниматься в спальню! Теперь у меня есть время, чтобы метнуться во двор, а там...

Привстав на цыпочки, я высунулась из тени, повертела головой вправо-влево. Никого! Я подобрала юбки, вздохнула и метнулась прочь.

И тут же влетела в объятия генерала.

— Попались, — тихо шепнул он и, выкрутив мне руку, прижал к себе спиной. — Куда собралась, пичужка?

Жаркое дыхание обжигало щеку. Я набрала воздуха в грудь, пискнула:

— На пом...

Жесткая ладонь зажала рот. Я замычала, тряся головой. Сердце выпрыгивало из груди, в ушах шумело. Я попыталась ударить его каблуком в ступню, как уже делала с Якобом, но лишь нелепо взбрыкнула ногами. Генерал отрывисто рассмеялся и втолкнул меня под лестницу.

— А вы строптивая, фройлен, — проговорил он, дохнув на меня вином. — Не кричите, будет хуже.

Я снова замычала и попыталась укусить его пальцы. Он стиснул меня сильнее, прижал к груди, едва не выламывая руку. Из груди вырвался стон, в глазах помутилось, и как сквозь пелену я слышала спокойное:

— Предпочитаю, чтобы фройлен стонала от страсти, а не от боли. Но если будете кричать, мне придется сломать вам руку. Вы ведь не будете кричать, правда?

Он сжал мое запястье до хруста. Я едва не взвыла, слезы брызнули из глаз, и я затрясла головой.

— Послушная пичужка. Мне нравится, — шепнул на ухо генерал и отпустил руку.

— Прощу, — простонала я. — Мне больно...

Он развернул меня к себе. Я скользнула взглядом по его лицу, увидела собственное отражение в очках: они крепились на тонком кожаном ремешке, обернутом вокруг головы, и я удивилась, как не заметила этого раньше. Вблизи лицо генерала выглядело не таким холеным, скорее уставшим, на щеках была заметна пробивающаяся щетина, между бровями залегла глубокая складка, сжатые губы выражали крайнюю сосредоточенность.

— Вы так юны и прелестны, фройлен, — сказал генерал и провел ладонью по моему

лицу. — И совсем не бледная моль, как поговаривают при дворе.

Кто бы так ни говорил, но мне стало обидно за Мэрион.

— Они ошибаются, ваше сиятельство, — ответила я.

— Вот как?

Он не улыбнулся, придвинулся ближе. Мое испуганное лицо скользнуло в отражении его очков, и в них за клубилась золотистая мгла. Я нервно вздохнула, облизав сразу пересохшие губы, и сказала срывающимся голосом:

— Да-да! И вы тоже ошибаетесь! И вы, и фрау Кёне! Я не смогу выйти за вас замуж, никогда!

На лице генерала не дрогнул ни один мускул, я с ужасом почувствовала, как его горячая ладонь погладила меня по спине, ласково, почти нежно.

— Потому что... потому что я не Мэрион! — наконец выпалила я. — Вернее, не та Мэрион, что была раньше...

— Вот как, — негромко произнес генерал. — Я понимаю, фройлен. Ведь и я не тот Дитер, каким был раньше. — Он обвел мои губы указательным пальцем, жаркое сияние в глубине его очков нарастало, а моя голова отяжелела и сознание поплыло, наполняясь грохочущим гулом, сквозь который пробивался тяжелый голос генерала: — Я проклят, фройлен. Во мне сидит голодный, страшный зверь. Он с каждым днем становится сильнее. Его не укротит ни вино, ни опиум, ни самая развратная альтарская шляха. Ни даже вы, моя пичужка. — Я вздрогнула, когда властная ладонь легла на ягодицы и сжала, в животе поднялась щемящая волна. — Вы не избавите меня от проклятия, фройлен, как не избавили мои предыдущие шесть жен. Вы знаете это. И ваша мачеха тоже знает, иначе бы не согласилась на нашу помолвку. После вашей смерти она получит поместье Адлер-Кёне, ваш сводный брат — титул. А что получите вы? — Сквозь темную пелену генерал улыбнулся холодно и жутко и выдохнул прямо мне в губы: — Одну ночь с чудовищем. И смерть.

Он поцеловал меня тягуче и долго. Я забилась в его объятиях, потом обмякла и позволила бесстыдно ласкать себя, до дрожи в ослабевших коленях, до тянущей сладости внутри. Ему хотелось подчиняться, хотелось плавиться в руках, подобно маслу. Но генерал прервал поцелуй и прошептал:

— Хотите, все завершится прямо сейчас, моя фройлен? К чему эти глупые церемонии? К чему этот фарс? Одно ваше слово — и я сниму очки прямо здесь. Ваша смерть будет легкой и быстрой.

Я заморозилась. Жаркая истома, охватившая тело, мгновенно испарилась, и на смену ей пришел жгучий холод, такой, что застучали зубы. Следом за холодом пришел страх.

— Нет-нет, — прохныкала я и уперлась ладонями в его твердую грудь. — Пожалуйста, нет...

— Бойтесь, — не спрашивая, а скорее утверждая, сказал генерал, и голос из вкрадчивого стал неприятно сухим, трескучим. — Разве вас не привлекает возможность оставить мачеху без поместья?

Он снова попытался меня поцеловать, но я отвернула лицо и крепко зажмурилась, борясь с подступающей дурнотой. Ладони генерала показались мне отвратительными лапами чудовища, от жаркого дыхания горели щеки, меня трясло, как в лихорадке.

— Я не хочу, не надо, нет...

— Смотрите на меня, — услышала я приказ.

— Нет.

— Смотрите же! — Он встряхнул меня за плечи.

— Нет!

Собрав все силы, я оттолкнула его. Генерал зарычал, схватил меня за руку снова, тогда, почти не думая, но повинувшись инстинкту, я размахнулась и отвесила ему пощечину:

— Пусти! Чудовище!

Он замер, как пораженный громом. Почуввав свободу, я рванулась и выскользнула из его объятий. Страх гнал меня, подхлестывал в спину, холодом обдавал обнаженные плечи, и мне казалось, что он несется за мной — монстр в человеческом облике, василиск из старых сказок. Но это только мои торопливые шаги по паркету отдавались эхом. Взлетев на лестницу, я приостановилась и увидела, как генерал, пошатываясь, словно оглушенный, выходит в холл. На его щеке алел отпечаток моей пощечины.

— Заприте фройлен Мэрион в комнате, — услышала я его голос, в котором сквозила едва сдерживаемая ярость. — И не выпускайте под страхом казни. Иначе...

Я зажала ладонями уши и в несколько прыжков пересекла пролет, там меня и поймал дворецкий. Отныне я стала пленницей в доме Белого Дракона.

Глава 4

Побег из-под венца

Он снился мне, генерал Дитер фон Мейердорф. Покрывая поцелуями мою шею, умело расшнуровывает корсет, и весенний воздух остужает разгоряченную кожу.

— Смотрите на меня, фройлен! — Голос требовательный, немного хриплый.

Я всхлипываю, не смея поднять глаза. Поцелуи тянутся, как патока, прикосновения обжигают. Сухие, немного шершавые ладони оглаживают обнаженную грудь, играют с сосками. Я запрокидываю голову и сдерживаю стон, ощущая сладкую пульсацию между бедер.

— Смотрите на меня...

Пена юбок взлетает, сквозняк холодит бедра. Я задыхаюсь, трепещу в мужских объятиях, жар ходит во мне волной, щеки горят не то от стыда, не то от сладости.

— ...ди-и-и... — шепчу я, сама не понимая, хочу ли сказать «уходи» или выстонать имя «Дитер».

Он раздвигает мои бедра, гладит там, внизу. Кружево трусиков промокло почти насквозь. Я сама подаюсь навстречу, задыхаясь от желания.

— Смотрите же!

Распахиваю глаза. Лавандовая спальня растекается туманом, предметы качаются, и лицо генерала нечеткое, расплывчатое. Четко различимы только глаза — полыхающие золотые монеты.

Одна ночь с чудовищем — и смерть... но как же она сладка!

Я вскрикиваю, когда он с напором вторгается в меня, и вспыхиваю, как спичка.

И просыпаюсь.

Простыня подо мной мокрая, хоть выжимай. Волосы разметаны по подушкам, внизу живота разлилась ноющая тяжесть. Всего лишь сон... но такой реальный!

Я провела дрожащими пальцами по бедрам, расправила задравшуюся сорочку. В комнате никого не было, сквозь задернутые шторы сочился утренний свет. Я выдохнула, пытаюсь выровнять дыхание. Какая чепуха! Отдаться этому нахалу? Да никогда! Это не мой сон, а бедной Мэрион, в теле которой я очутилась. Она наверняка не успела познать ни одного мужчины и была столь же невинна, сколь и юна. Вчерашние события просто распалили богатое воображение, вот и все.

— Вот и все! И нечего об этом думать, — сказала я вслух и поднялась с кровати.

Вскоре мои мысли потекли в привычном русле, и надежда на побег вспыхнула в сердце с новой силой.

Я подергала дверь — заперто. Конечно, приказ генерала, тут все ему заглядывают в рот, да и мачехе нет резона выпускать меня на волю. Завладеть помещьем и породниться со знатным родом Мейердорф — неплохая награда за возможность избавиться от нелюбимой падчерицы.

Завтрак принесла совершенно незнакомая пожилая женщина в сопровождении лакея, который почтительно отвернулся, чтобы не смущать юную леди в моем лице, но в то же время заслонил дверь, отрезав путь к бегству.

— Где Жюли? — требовательно спросила я.

— Хлопочет по хозяйству, фройлен Кёне, — уклончиво ответила женщина, и я заволновалась.

— С ней ведь все в порядке?

Тут же вспомнились ее слова о молодом хозяине, который мог бы забить ее плетьюми, и властные прикосновения генерала. Я сглотнула и тряхнула головой, выбрасывая из памяти ночные видения.

— О, не беспокойтесь, фройлен, — чуть мягче ответила женщина. — Она всего лишь помогает фрау Кёне подготовить вас к свадьбе. Не беспокойтесь, скоро она навестит вас.

Я кивнула, вполне удовлетворившись этим ответом.

Женщина и лакей подождали, пока я наскоро проглочу завтрак — поджаренные тосты и маленькую кружку чая, убрали поднос и, пожелав мне хорошего дня, скрылись, дважды провернув ключ в замке.

Я тут же метнулась к окну и подергала рамы.

Заперты не наглухо, но до земли слишком далеко, я убьюсь насмерть, если попробую спрыгнуть. Под окнами беспечно стриг лужайку садовник, насвистывая что-то под нос. Где-то далеко, на едва слышимой ноте, тоскливо ревели виверны.

Что, если скрутить веревочную лестницу из простыни, улучшить минуту, когда в саду никого не будет, а потом спуститься и затеряться в густой зелени? На уроках физкультуры я была довольно выносливой девчонкой и за канат получала твердую «пять».

Воодушевившись идеей, я сдернула с постели одеяла и простыню. Усевшись по-турецки, принялась вертеть материю в тугие жгуты, но это оказалось довольно кропотливым делом. Ладони быстро взмокли, волосы то и дело лезли в лицо, и я постоянно сдувала их со лба. Я торопилась, ведь если в спальню войдет мачеха и увидит, чем занимается строптивая невеста, мне не поздоровится.

Словно отзываясь на мои мысли, в замке дважды провернулся ключ. Я едва успела швырнуть готовый жгут под кровать, наспех набросила одеяло и улеглась, натянув его до самого подбородка.

В комнату действительно вошла фрау Кёне и сморщилась, точно съела кислый фрукт, увидев меня в кровати.

— Как! — вскричала она. — Вы еще прохлаждаетесь в постели, моя дорогая?

— Мне нездоровится, — промычала я, старательно делая больное лицо.

Мачеха замешкалась, в ее глазах на миг отразился испуг, но вскоре складка между бровям разгладилась, губы дрогнули, складываясь в ухмылку.

— Поздно, моя дорогая, дата уже назначена, — прокаркала она и щелкнула пальцами. На ее зов в комнату тут же впорхнула миниатюрная, но уже немолодая особа с портняжным сантиметром в руках. — Придется потерпеть, сейчас мы снимем мерки, а после я пошлю за герром доктором, и к завтрашнему дню вы снова будете порхать, как птичка.

«Пичужка, — вспомнился насмешливый голос генерала. — Попалась...»

Я неохотно вылезла из кровати и встала посреди комнаты, позволив обмерить себя со всех сторон.

— Сюда бы подошли розы, — ворковала швея, описывая руками круги возле моих бедер. — А тут кружева, кружева... Ах, будет натуральная нимфа! Богиня из морской пены!

— Делайте что хотите, — отмахнулась фрау Кёне. — Но чтобы к завтрашнему дню все было готово.

Швея поклонилась и помогла мне надеть простое, горчичного цвета платье с закрытыми

плечами, после чего убежала. Мачеха немного помедлила, но лишь для того, чтобы больно дернуть меня за волосы.

— Ваше счастье, неблагодарная дрянь, что его сиятельство просил за вас вчера! — прошипела она. — Благодарите его милость, иначе я бы отходила вас кнутом за недостойное поведение за ужином.

— Отходите своего сыночка, — огрызнулась я, отпрыгивая от фрау Кёне. — Он давно напрашивается на хорошую порку.

— Что-что-что? — Мачеха задохнулась от ярости, шагнула ко мне, и я зажмурилась, подобралась, как тигрица.

Но ничего не произошло. Постояв немного, фрау Кёне смерила меня презрительным взглядом и выщедила сквозь зубы:

— Пусть эти слова умрут на вашем грязном языке, маленькая шлюха. Болезнь сильно испортила вас, но недолго вам осталось сквернословить. Его сиятельство выбьет из вас всю дурь.

Дернув подбородком, она вышла из комнаты, нарочито громко хлопнув дверью. Я тут же достала сплетенный из простыней жгут и подбежала к окну, волоча его за собой.

К моей радости, садовник прекратил работу и перешел на другую аллею, по крайней мере, из моего окна его не было видно. Я отодвинула засовы и распахнула рамы, весенний ветер вздыбил тюль, и я с наслаждением откинула со лба волосы, подставив лицо свежести и свободе. Осторожно перегнувшись через маленький балкончик, осмотрелась — никого! В этот момент пожалела, что не увлекалась скалолазанием, как Артем. Сил не хватало, чтобы как следует затянуть узел на ажурных перильцах, хотя и старалась как могла. Осталось только надеяться, что самодельный канат выдержит вес хрупкой Мэрион. Я вздохнула и нерешительно потеребила лунный кулон на шее, оглядела спальню и усмехнулась.

Была не была!

Балкончик совсем маленький, никак не повернуться. Подобрал юбку, я осторожно перелезла через перила и уцепилась за простыню. Скопив глаза, увидела растущие под окном заросли акации. Может, если отклониться немного в сторону, сумею уцепиться за ветки и прыгнуть на мягкий газон? Не зря садовник его подравнивал, будто специально для меня.

Ух, а все же страшно!

Я пискнула, сползая по простыне. Жгут натянулся, узел задрожал. Выдержит или нет? Теперь немного качнуться... вот так! Ветки махнули перед носом белыми цветами. Я сползла еще ниже, качнулась снова, и в этот момент — хлоп! — оборвался узел.

Не успев ахнуть, я рухнула вниз.

И повалилась в чьи-то подставленные руки.

— Опля-ля! — раздался молодой голос. — Вот так сюрприз!

Я забарахталась, пытаюсь справиться с непослушными оборками. Волосы растрепались и завесили лицо, я фыркнула и откинула их ладонью. И увидела перед собой улыбающегося адъютанта Ганса.

— Не зря его сиятельство называет вас птичкой, фройлен, — радостно проговорил он. — Вы и правда умеете летать!

— Пусти! — Я с возмущением толкнула его в грудь, совершенно забыв, что в этом мире обращаются друг к другу на «вы».

Ганс разжал объятия, и я плюхнулась прямо в клумбу.

— Дурак! — возмутилась я, сердито глядя на парня снизу вверх. — Что за обращение с

девушками!

— Отпустил, как вы и приказали, фройлен. — Он сверкнул белыми зубами беззлобно, но все равно обидно. Потом протянул руку: — Не обижайтесь. Позвольте помочь вам подняться.

Я поджала губы, уже набрав в легкие воздуха, чтобы гордо отклонить помощь, а потом подумала и ухватилась за протянутую ладонь.

— Ладно, — важно сказала я. — Но что вы здесь делаете?

— То же, что и вы, фройлен, — ответил Ганс, легко поднимая меня на ноги и почтительно отряхивая мое платье. — Упражняюсь на свежем воздухе.

— Где же ваш господин?

— С утра, не сказав никому ни слова, уехал на охоту.

Он наклонился и подобрал самодельный канат.

— Кажется, вы обронули. И в следующий раз советую завязывать морским узлом.

— Следующего раза не будет, — фыркнула я, отбирая простыню и зашвыривая ее в заросли акации. — А теперь как насчет того, чтобы всем разойтись по своим делам?

— Боюсь, я не могу этого допустить, — продолжая улыбаться, проговорил Ганс. — Клянусь, прелестная фройлен, я впечатлен вашим выступлением за ужином, но его сиятельство все еще мой господин, а он велел не спускать с вас глаз.

— И что вы сделаете? — спросила я. — Если я прямо сейчас побегу вот туда? — наугад ткнула на залитую солнцем аллею. — Вы броситесь за мной в погоню?

— Нет, — качнул головой адъютант. — Но я пушу по вашему следу виверн. Конечно, я очень огорчусь, если от вашей прелести не останется ни кусочка, — я поежилась, вспомнив зубастые пасти, — но мой господин не будет в претензии. Как-никак вы станете его седьмой женой.

— Седьмой! — Я не удержалась от возгласа и округлила глаза. — Ваш господин многоженец?

— Отнюдь, фройлен. Мой господин шестикратно вдовец. Мне грустно осознавать, что вы станете седьмой.

По спине потянуло холодком. Я сжала пальцами воротник и насупилась:

— Считаете, я тоже погибну?

— Почти уверен в этом, — с сожалением вздохнул Ганс. — И его сиятельство тоже так считает, поэтому не хочет тратиться на очередную бесполезную свадьбу.

— Так и не женился бы!

— К сожалению, это невозможно, фройлен. Генерал Фессалии должен быть женат, того требует занимаемый им пост. Или, по крайней мере, должен носить траур не менее года. Ко всему прочему ему предсказали, что проклятие снимет ночь, проведенная с последней наследницей знатного, но обедневшего рода, которая полюбит его всем сердцем.

— Как романтично, — пробормотала я, хотя восторгаться совершенно не хотелось. — И что же случилось с предыдущими женами? Они погибли?

— Не совсем так, — мягко возразил Ганс и взял меня под локоть, словно предупреждая попытку к бегству. — Они окаменели в течение суток после первой брачной ночи. С кем-то это случается раньше, с кем-то позже. Но никто не избежал ужасной участи. — Адъютант вздохнул и задумчиво добавил: — Возможно, по сравнению с этим быть проглоченной виверной не так уж плохо? Правда, в случае вашей гибели до свадьбы мачеха не получит поместье.

— Почему так? — спросила я.

— Фрау Кёне — ваша опекунша, — терпеливо пояснил Ганс. — Она отвечает за ваше здоровье и жизнь, и в случае вашей гибели, а именно: падение с лошади, отравление, пожирание вивернами и так далее — ее арестуют по подозрению в убийстве из корысти, а поместье отойдет короне и государству. В случае же заключения брачного контракта с его сиятельством с вашей мачехи снимается ответственность, и она становится управляющей поместья, а после вашей смерти — полноправной владелицей.

— А как же генерал? Разве его не арестуют по обвинению в умышленном убийстве?

Ганс снова улыбнулся очаровывающей улыбкой и мягко ответил:

— Нет. Потому что родовые проклятия не подпадают под юрисдикцию.

Он заглянул мне в глаза, будто ища поддержки, но отвечать не хотелось. Я вспомнила холодный голос генерала, вспомнила его сильные руки, тяжелый взгляд, пронизывающий даже через очки. Такой не отступится, не даст ни малейшего шанса. Что тогда остается мне?

— Что остается? — проговорила я, в отчаянии закусив губу.

— Пройти в свою комнату, фройлен, — вежливо отозвался Ганс и настойчиво подтолкнул меня к дому. — Ждать свадьбы и молиться богу.

Вот уж чего я не собиралась делать, так это ждать и молиться. С другой стороны, побег мне не удался, но, возможно, повезет в следующий раз?

В доме мы наткнулись на Якоба, глянувшего на меня волком. Я вскинула голову и окатила его презрительным взглядом. Почтительно пропустив меня в спальню, адъютант Ганс собственноручно заколотил окно, чтобы у меня не осталось шанса повторить трюк, снял с постели все белье и, взяв под козырек, пожелал хорошего дня и вышел, тщательно заперев комнату. Я нашарила на трюмо пузырек с духами и швырнула в дверь, он разбился, хрустнув стеклянным боком. В комнате отчетливо запахло ненавистной лавандой.

Время до ночи тянулось невыносимо медленно. Я слонялась из угла в угол, и лишь изредка меня посещала швея, развлекая примеркой: платье получалось, каким и задумывалось, — легким, воздушным, сотканым из тончайшей материи и кружев.

— Настоящая фея! Богиня! — делано восхищалась швея.

Я отвечала кислой улыбкой и угрюмо косилась на дверь, за которой, как я прекрасно знала, стоит лакей и охраняет покой будущей супруги фон Мейердорфа.

Ночь прошла беспокойно, сновидения были обрывочны и бессвязны. То я видела Якоба, замахивающегося кнутом, то фрау Кёне, грозящую мне скрюченным сухим пальцем, то виверну с разинутой пастью, а потом с виверны спрыгивал генерал и направлялся ко мне, сверля тяжелым взглядом из-под очков. Я вскрикивала и просыпалась с колотящимся сердцем, хваталась за кулон, нагретый от моего тела и тускло поблескивающий во тьме, как кусочек настоящей луны.

Заснула только под утро, разметавшись по кровати в позе звезды, и очнулась, когда в замке дважды повернулся ключ.

Это была фрау Кёне, разряженная и напояженная более обыкновенного.

— Просыпайтесь, фройлен, — проскрежетала она своим неприятным вороньим голосом. — Живей, живей! Его сиятельство не любит ждать!

За ней вбежали женщины: одну я видела вчера, она приносила завтрак, обед и ужин, другой была Жюли, а третьей — швея с платьем в руках.

— Ах, фрау, я шила его всю ночь, — причитала она, подлетая ко мне и прикладывая фату к щеке. — Поглядите, как прекрасно оттеняет эта снежная белизна чудесные глаза фройлен!

— И подчеркивает мертвенную бледность, — поджала губы мачеха.

— Позвольте заметить, фрау: прелестную аристократичность, — робко вставила из-за спины Жюли.

Фрау Кёне метнула недовольный взгляд, но ничего не сказала.

Жюли помогла мне умыться и вымыла волосы, умастив их розовым маслом. Пока они сохли, мне растерли тело сухим тальком с добавлением цветочной отдушки, потом сполоснули и насухо вытерли полотенцем. Кружевные панталоны, несмотря на их изящество, вызвали у меня неосознанное хихиканье, но я позволила натянуть и их, и белоснежные полупрозрачные чулки, и расшитые серебром подвязки. Затягивание свадебного корсета с вырезом сердечком снова превратилось в пытку, швея сопела, колдуя над шнуровкой, а фрау Кёне раздраженно морщила нос:

— Бог знает, почему все приличные девицы после болезни худеют, а эта цветет и пахнет.

— Вы ведь сами велели фройлен цвести, как пион, — радостно откликнулась Жюли.

Рядом со мной служанка чувствовала себя гораздо смелее.

Мои волосы она заплела в косички и уложила на голове красивой корзинкой, выпустив несколько завитых локонов. К ним шпильками прикрепили фату, то тут, то там украсив мелкими белыми цветами. Легчайшая органза падала на обнаженные плечи и струилась вниз, за спину с глубоким вырезом, по шелку пышной юбки, подчеркивающему изысканность силуэта.

— Принцесса, — выдохнула Жюли, прижав к груди кулачки и восхищенно глядя на меня во все глаза.

— Берите выше, — важно сказала швея и подняла пухлый указательный палец. — Как есть королева. А теперь примерим это колье...

Она потянулась к моему лунному кулону, желая заменить его на массивное украшение с сапфировыми вставками, но я, повинувшись какому-то внутреннему чутью, решительно сжала камень и мотнула головой:

— Нет. Я не сниму его.

Швея в нерешительности остановилась, вопросительно глядя то на меня, то на мачеху. Я вся дрожала от невыразимого волнения, не понимая, что происходит со мной, но зная, что никогда не сниму этот кулон. Никогда!

— Разрешите, фрау Кёне, — тихо подала голос Жюли. — Все-таки родительская память...

Мачеха раздула ноздри, пустила надменный взгляд из-под густо подкрашенных ресниц и процедила сквозь зубы:

— Пускай. Желание невесты — закон.

Я всхлипнула и нехотя выпустила кулон. Он закачался, пуская по корсету солнечные зайчики, и волнение постепенно сошло на нет. В довершение наряда мне примерили изящные тифельки, расшитые стразами.

«В таких не побегаешь», — мрачно подумала я и позволила увести себя из дома.

У ворот поджидала голубая карета, убранная искусственными цветами и лентами. В упряжке мотали головами белоснежные кони с аккуратно подстриженными хвостами и расчесанными гривами, также украшенными лентами. На одну скамеечку сели мачеха и сводный братец, по случаю умытый и расчесавший сальные волосы. На другой примостилась я с Жюли.

— А где же его сиятельство? — спросила я.

Якоб ослабился и подмигнул:

— Не терпится поскорее упасть в объятия женишка, мм?

Мне захотелось показать ему средний палец, но жест в этом мире не оценят. Зато мачеха ударила его по плечу перчаткой и сдержанно ответила:

— Его сиятельство будет ждать у алтаря. Видеть невесту в подвенечном платье до свадьбы — плохая примета.

«Да уж не хуже, чем лапать ее под лестницей», — снова подумала про себя.

Кучер залихватски свистнул, хлестнул лошадей кнутом, и карета, покачиваясь и подпрыгивая на брусчатке, выехала со двора.

Отодвинув пальчиком атласную шторку, я с любопытством выглянула в окошко. Поместье с его белыми кирпичными стенами, с башенками, украшенными флюгерами, стремительно убегало назад, напоследок подмигнул синим глазом дракон, украшающий герб на воротах. Мир, в который я попала, прежде ограничивался стенами моей спальни и садом, но теперь раскинулся во всей полноте. Дорога пролегла через холмы, поросшие виноградниками, разбитые на квадраты пахотных земель. Земля тут была красноватая, богатая железом. По склонам ютились белые крестьянские домики с крышами, крытыми черепицей. У горизонта темнели леса, и солнце, как золотая монета, беспечно катилось по голубому бархату неба.

Хороший день для свадьбы. Хороший день, чтобы умереть.

Я вздрогнула от скакнувшей в голову мрачной мысли, и Жюли, отзываясь на всколыхнувшееся во мне волнение, взяла мою ладонь и ободряюще сжала.

Мы миновали ажурный мостик, перекинутый через узкую горную речку, весело журчащую внизу и поблескивающую на солнце рыбьими чешуйками. Из зелени вынырнули двуглавые пики собора с красными наконечниками, и кучер свернул к ним.

Церквушка притаилась в живописнейшем месте. Речка здесь становилась резвее и шире, блестящие воды крутили жернова маленькой мельницы, над головой переплетались побеги дикого винограда, солнце разноцветно сияло в кружевных витражах. Спрыгнув с козел, кучер помог выбраться мачехе и мне, юркая Жюли тут же расправила шлейф и подхватила фату, а я только зыркнула по сторонам, высматривая, куда можно скрыться. По правую руку раскинулась небольшая рощица и скатывалась в долину, пестревшую черепичными крышами. Если и бежать, то только туда. словно прочитав мои мысли, Якоб подхватил меня под правую руку, мачеха — под левую, и так в сопровождении дражайших родственников, по совместительству конвоиров, я взошла по каменным ступеням. И грянул хор.

Мне тут же захотелось зажать ладонями уши. От звуков органа и тяжелого запаха ладана перед глазами потемнело, корсет снова надавил на ребра, и я задышала ртом, пытаюсь справиться с головокружением.

— Что с вами, госпожа? — шепнула Жюли. — Вы так побледнели...

— Все хорошо, хорошо, — пробормотала я и уцепилась за ее услужливо подставленное плечо.

Но хорошего ничего не было.

У алтаря, прямой, точно проглотивший шпагу, стоял генерал в своем ослепительно-белом кителе. В его смоляных волосах, блестящих и гладко зачесанных назад, плясало солнце и серебрило седую прядку над ухом, по эполетам рассыпались искры, вспыхивая на пуговицах и золотом шитье, а солнечные зайчики отскакивали от эфеса шпаги.

— Вот и вы, дорогая невеста, — сухо сказал он, протягивая мне руку. — И почти не

опоздали.

— Юной фройлен нужно на сборы чуть больше времени, чем молодому господину, — льстиво отозвалась мачеха и захихикала противно, в нос.

Генерал не улыбнулся, но я почувствовала, как полоснул по мне заинтересованный взгляд, от него мурашками покрылись нагие плечи, тепло было только в ложбинке между ключицами, где лежал лунный кулон.

— Вы сегодня особенно прелестны, — шепнул на ухо возникший точно из-под земли адъютант Ганс.

Он был все в той же темно-синей курточке, но светлая косичка аккуратно переплетена и стянута белой лентой. Несмотря на то что комплимент предназначался мне, я заметила, как зарделась стоявшая рядом Жюли и скромно потупила взор.

Хор пел что-то на латыни, к алтарю вышел священник, неся на бархатной подушечке венчальные кольца. Я подумала, что об этом, наверное, мечтает каждая девушка, вот только радости никакой не было. Да и будущий муж стоял с таким угрюмым выражением на лице, будто пришел на похороны, а не на свадьбу. От него все еще тянуло вином и чем-то приторно-сладким, восточным и удушливым. Вместе с запахом ладана и моими розовыми духами это создавало тяжелый аромат, от которого голова кружилась все больше, и мне захотелось, чтобы все это поскорее закончилось.

— Не тяните, святой отец, — будто считав мои мысли, глухо произнес генерал. — Начинайте церемонию и покончим.

— А разве мы не подождем его величество? — робко спросила мачеха.

Генерал дернул уголком рта и пожал плечами.

— Я не высылал приглашения. С его королевским величеством мы встретимся на весеннем балу в конце недели. Может быть, я приглашу и вас, фрау, как новую владелицу поместья.

— Да что же вы меня хороните! — возмутилась я, но мне не дали продолжить.

Генерал нетерпеливо взмахнул рукой и велел священнику:

— Начинайте же, начинайте. Что там по сценарию? Согласны ли вы, герцог фон Мейердорф, взять в жены...

— Позвольте, но это мои слова, — дребезжащим голосом перебил священник. — Сначала я должен спросить, есть ли что-то, что может воспрепятствовать этому брачному союзу.

— Есть, — сообщила я. — Нежелание невесты считается?

— Совершенно нет, — отрезал генерал и покрутил ладонью. — Дальше, святой отец, дальше!

— Гхм... э-э-э... так если нет... — Священник пожевал губами, собрал высокий лоб в морщины, подглядывая в раскрытый молитвенник. — Да, так вот! Поскольку ни на что не было указано, что могло бы воспрепятствовать этому брачному союзу, я спрашиваю вас, ваше сиятельство, герцог Дитер фон Мейердорф, согласны ли вы взять в жены юную фройлен, баронессу Мэрион Адлер-Кёне? Будете ли любить, уважать и нежно заботиться о ней? Обещаете ли хранить брачные узы в святости и нерушимости...

— Да-да, пока смерть не разлучит, — скучающим тоном перебил генерал. — Обещаю. Дальше.

Священник закатил глаза и повернулся ко мне, затянув гнусаво все то же:

— Согласны ли вы, баронесса Мэрион Адлер-Кёне, взять в мужа его сиятельство

герцога Дитера фон Мейердорфа? Будете ли любить, уважать и нежно заботиться о нем...

— Нет, — выдохнула я. — Не хочу и не буду.

Рядом по-змеиному зашипела мачеха:

— Не позорьтесь, скажите «да».

— Нет, — заупрямилась я.

Священник тарачил глаза, открывая и закрывая рот. Генерал шагнул ко мне и положил ладони на плечи.

— Непослушная ослица, — выцедил он. — Не усложняйте церемонию, вы все равно обещаны мне, и будет так, как я скажу.

— Вот еще! — Я сбросила его ладони и смело взглянула в его лицо.

И это была моя ошибка. В очках генерала заклубилась золотая мгла, свечи у алтаря вздрогнули и вытянули огненные языки, тени заскользили вокруг, как голодные виверны, набросили на шею тугие кольца тьмы, принялись сжимать, давить, душить. Страх зародился в желудке и вихрем пробежал по телу, рождая противную дрожь. Я вскинула руку, пытаюсь уцепиться за лунный кулон, будто в нем было мое спасение, но не успела и повалилась в заботливые руки Жюли.

— Врача, врача! — в страхе закричала та.

Я приоткрыла веки и вздохнула, слабо прошептав:

— Не нужно врача... только... на воздух... прошу...

— На воздух, скорее! — подхватила меня служанка. — Да помогите же!

Я оперлась на ее плечо и с трудом поднялась на ватные ноги.

— Не нужно никого... Жюли, проводи меня в дамскую комнату... мы скоро вернемся...

— Дурной знак, — прошипела в спину мачеха.

Я снова едва удержалась, чтобы не показать ей язык.

Жюли вывела меня на улицу, поддерживая под локоть. Слабость постепенно проходила, в голове прояснялась, и, прижав девушку к себе, я шепнула ей на ухо:

— А теперь помоги мне, скорее!

— Что надо делать, моя госпожа? — с готовностью отозвалась Жюли.

— Ровно через три минуты начинай кричать, что невеста хотела освежиться у реки и сорвалась в воду. Переполох собьет их со следа, а я тем временем успею добежать до деревушки.

Я махнула рукой в сторону рощицы. Жюли вскрикнула, прижала ладони ко рту, потом в ее глазах отразилось понимание. Она пылко обняла меня, прижалась сухими губами к щеке и прошептала:

— Бегите, моя госпожа. Я их задержу. Бегите и помните свою верную Жюли!

— Всегда, — поклялась я, тоже приобнимая ее за плечи.

Потом сорвала фату, сунула ее в руки служанки и, подобрав юбки, метнулась в сторону подлеска.

Я бежала так быстро, насколько позволяли туфли, цепляясь подолом за шиповник и проклиная неудобное платье. В таком только стоять перед алтарем, подобно разряженной кукле, но бегать по лесу гораздо удобнее в кроссовках и джинсах. Сердце колотилось, как угорелое, в мозгу пульсировала мысль: «Успеть, успеть!» Потом ветер донес полный ужаса вопль Жюли:

— Скорей!.. Фройлен... в реке! Утону-ула-а!

Я поднажала, перепрыгивая через трухлявый пенек не хуже олимпийской чемпионки. На

счастье каблук у туфелек оказались не слишком высокими и вполне удобными, чтобы я не поломала ноги на первом же буреломе. В лесу оказалось куда прохладнее, чем в залитой солнцем уютной долине, меня начало ощутимо прихватывать ознобом, и вскоре я довольно быстро потерялась среди однообразных дубов и зарослей папоротника и медуницы. Сухой хвощ будто нарочно тянул за кружева, и я со злостью выдирала несчастное платье из прочного захвата. Прическа растрепалась, локоны снова лезли в глаза, приликая к взмокшему лбу. В хорошеньком же виде я появилась в деревне. Ну и плевать. Главное, подальше отсюда. Главное, чтобы его сиятельство поверил в мою мнимую смерть. Главное, чтобы не догнал...

И тут же стоялый воздух разрезал трубный звук горна.

Я на мгновение замерла, оглядываясь по сторонам, сердце колотилось, едва не выпрыгивая из корсета. Откуда звук? Слева или справа? Эхо перекатывалось по холмам, мешая сориентироваться. Я стиснула зубы и решила, уклонившись вправо.

Здесь лес становился гуще, а трава выше. Кружево поистрепалось, и подол платья потемнел от травяного сока, на оборки налипли сухие листья осин.

Горн снова протрубил. Теперь отчетливо слева, а значит, я взяла верное направление. Стиснув зубы, я побежала с новой силой. По моим подсчетам лес должен был давно поредеть, а деревенька — вынырнуть из долины, как городок из табакерки. Но этого почему-то не происходило. Я перебралась через овраг, пыхтя, как паровоз, дважды упала, вонзаясь наманикюренными пальцами в перегной и собирая на себя весь лесной сор. Впереди плеснула синяя даль, и я едва не расплакалась, когда поняла — лес действительно редет, вот скоро я выбегу на опушку, и тогда...

Горн протрубил совсем близко, на этот раз где-то прямо передо мной. И, отзываясь на его рев, послышался скрежещущий звук, словно ножом водили по фарфоровой тарелке. От него сразу бросило в жар и пот. Я затормозила, ухватившись за ближайшую рябину, и вовремя, потому что прямо передо мной из густого подлеска вынырнула хищная треугольная морда.

Разинув пасть, виверна прикрыла складчатые веки идохнула на меня сырым мясом и гарью. Я зажмурилась, давя в горле крик. На щеки брызнула слюна. Господи боже, пусть она будет не ядовита!

— Тубо, Грета! Нельзя! — услышала я грозный оклик.

Защелкал кнут, и виверна жалобно рыкнула, словно обидевшись.

Я приоткрыла глаза и увидела, как по высокой траве размеренно и спокойно идет генерал. Не доходя до меня пары шагов, он поднял руку, и к его ладони тут же прильнула исполинская морда, потерлась, скрипуче мурлыча. Генерал улыбнулся.

— Хорошая девочка, — сказал он, потрепав бородавчатую голову чудовища. — Учужа, умница.

Наконец шагнул ко мне и стиснул мое плечо, как клещами. Я скорчилась, стараясь не глядеть в его лицо. От генерала веяло силой и злобой, его взгляд давил, как могильная плита.

— Хорошая попытка, пичужка, — сдерживая ярость, проговорил он. — Вторая по счету, насколько мне известно. И обе неудачные. Третьей не будет.

Я сжала губы, борясь с внутренним гневом. Значит, чертов адъютант все-таки заложил меня. Скотина! Мерзкий прихлебатель!

— Я все равно никогда не соглашусь, — сказала я, глядя себе под ноги.

— Конечно, — холодно парировал генерал, обведя ладонью мое лицо. — Но мне плевать на ваше согласие. Эй, Ганс! — крикнул он через плечо.

Из подлеска вынырнул вездесущий адъютант. За ним, пыхтя, пробирался священник, высоко задирая колени и поддерживая рясу.

— Кольца готовы?

— Так точно, ваше сиятельство! — сверкнул улыбкой Ганс и протянул подушечку с кольцами.

— Заканчивайте, святой отец, — процедил генерал, не оборачиваясь и все так же прожигая меня взглядом.

Я даже сквозь очки чувствовала этот полыхающий огонь, эту яростную бурю. Будь его воля, генерал растерзал бы меня прямо здесь. Но он лишь протянул руку, и адъютант передал ему кольца.

— Фройлен Мэрион, примите это кольцо как символ и обещание моей любви и верности, — заученно проговорил генерал и, сжав мою ладонь так сильно, что я невольно вскрикнула, снял помолвочное кольцо и ловко надел венчальное на безымянный палец. — Теперь вы.

Я мотнула головой, скорее из упрямства, сил не осталось, голова снова кружилась, невыносимая тяжесть давила на плечи.

— Этим кольцом я обещаю хранить любовь и верность, — подсказал священник.

— Никогда, — выдохнула я.

— Плевать, — в раздражении перебил генерал и сам надел кольцо, потом подхватил меня поперек талии, я завизжала, замолотила кулачками по его широкой спине, чувствуя, как под моими руками перекачиваются могучие мускулы.

— Благословляйте, святой отец! — крикнул генерал.

Священник подпрыгнул, выставя крест, как щит, перекрестил нас трижды и пролепетал:

— Властью, данной мне, объявляю вас мужем и женой!

— Аминь, — сквозь зубы сплюнул генерал, шлепнул меня по задку и широкими шагами пошел к виверне.

Я билась в его руках, как пойманная птица, визжала, звала на помощь, но генерал заломил мне за спину руки, скрутил их атласными лентами и так, словно беспомощную куклу, перекинул через седло.

— В замок Мейердорфский, Ганс, — услышала я голос генерала. Он привычно вскочил в стремя и, наклонившись, холодно поцеловал меня в лоб. — Сидите спокойно, моя дорогая жена, — шепнул он, сделав акцент на слове «жена». — Грета ревнива и при любом движении сбросит вас на скалы.

Я замерла, холодея от страха. Генерал расхохотался, свистнул, похлопал виверну по чешуйчатой шее, прокричав:

— Алле! Алле! Вперед!

Я завизжала, чувствуя ветер от взмахов кожистых крыльев. Потом земля ушла из-под ног, и последнее, что я увидела, это бледное лицо священника, поднятое к небу. Его губы шевелились, повторяя молитву.

Глава 5

Замок Черного Дракона

Мы летели в горы. Постепенно лесистые холмы заостряли свои вершины и щерились внизу голым частоколом. Я почти привыкла и лежала в седле смиренно, лишь изредка прикрывая глаза, когда виверну заносило на особенно крутых виражах. Генерал сидел прямой и сосредоточенный, резкими окриками и свистом направляя чудовище по одному ему известному маршруту. А я лежала и думала: «Что со мной будет теперь?» Кольцо на пальце жгло, в ушах свистел ветер, и от холода сводило зубы. Наконец вдалеке показались острые башни замка, притулившегося на склоне скалы, с одной стороны зияла пропасть, с другой вилась узкая тропа, убегаящая вниз, в долину, по которой несся бурный горный поток.

Пришпорив зверя, генерал повернул к замку.

«Твой новый дом, герцогиня фон Мейердорф», — язвительно подумала я и зажмурилась от ударившего в лицо ветра. Виверна пошла на снижение.

Если бы меня спросила Юлька, на что похож замок фессалийского генерала, я бы назвала его замком киношного Дракулы. Каменные стены почернели от времени и влаги, две защитные башни, крытые черепицей, торчали, как окровавленные клыки, мост через пропасть был поднят, и я едва не завизжала, когда виверна ухнула вниз, брюхом на острые зубцы крепости. Но ничего страшного не произошло. Я почувствовала жесткий толчок и задержала дыхание, слушая только стук собственного сердца и оглушающее хлопанье кожистых крыльев. Потом воздух рассек кнут и гулко ударил о каменную плитку.

— Довольно прохлаждаться, моя дорогая, — донесся язвительный голос генерала, и грубая ладонь похлопала меня пониже спины.

Я возмущенно распахнула глаза:

— Что вы позволяете!

— В чем дело? — хмыкнул его сиятельство. — Я ваш законный супруг и могу хлопать жену по тем местам, по каким посчитаю нужным.

Не слушая моих возмущений, он стащил меня с виверны. Я только теперь осознала, как неприлично задралось мое платье. Подбежавший горбун ростом с генерала, но вдвое шире его в плечах, ловил поводья, одним глазом косясь на виверну, другим ощупывая меня. Я встряхнулась и гордо вскинула подбородок:

— Что? Цирк приехал?

Пытаясь вывернуться из туго связавших меня лент, я дергала плечами и извивалась всем телом, производя, должно быть, приятное впечатление для мужских глаз. Зрачки горбуна заблестели, и он ухмыльнулся одним уголком губ, но кнут свистнул снова и перепоясал нахала прямо по горбу.

— Куда пялишься, скотина? — процедил генерал. — Я тебя на кол посажу, собаку! Распоясались, твари! Живей высказал почтение ее сиятельству герцогине Мейердорфской!

Горбун надсадно задышал, кривясь от боли и держась за пострадавшую спину, согнулся в поклоне, промывчав что-то невразумительное.

— А теперь пшел вон, свинья! — Генерал пнул горбуна под зад и, сжав мне руку выше локтя своими жесткими пальцами, потащил по аллее.

— Вы так обращаетесь со всеми женщинами? — спросила я, когда горбун с рычащей виверной остались позади.

Каменный двор, почти полностью лишенный растительности, со стенами, увитыми сухим плющом, походил на колодец и навевал жуть.

— Со всеми, — сквозь зубы ответил генерал.

— Почему?

— Слишком много болтают.

— Но вы еще меня не знаете!

— Знаю достаточно, чтобы уже захотеть отрезать ваш язык.

Я вспыхнула, но промолчала. Мы свернули на боковую аллею, и тут я увидела первую статую. Сделанная из грубого ноздреватого камня, она изображала молодую женщину со стертыми чертами лица, ладони крепко прижаты к груди, голова слегка откинута назад, нагое тело до пояса обвил плющ. Я остановилась, холодея от странного предчувствия, и не могла оторвать взгляд. Мне показалось, что выемка в нижней части ее лица раньше была распахнутым в крике ртом.

— Любуетесь? — раздался тихий голос генерала. Он встал рядом, нагнув голову и нервно постукивая по бедру рукоятью хлыста. — Это Жоржетта, моя первая жена.

— А... — только и смогла выдавить я.

Его губы изогнула жуткая усмешка.

— Я еще был молод и неопытен и убивал быстро, слишком быстро. Поначалу это было очень неприятно. Теперь... теперь даже немного скучно.

— За что? — шепотом спросила я.

Жуткая фигура с изъеденными коррозией очертаниями вызывала во мне страх.

— Ни за что, — равнодушно отозвался генерал. — Идемте, фройлен, я устал и хочу принять ванну.

Он потянул меня по аллее, выложенной темной брусчаткой и усаженной шиповником. Через несколько шагов мне попалась вторая фигура — она сохранилась лучше первой и тоже была обнаженной, одной ладонью девушка прикрывалась внизу, вторую тянула к высокой груди, окаменевшие глаза смотрели с тоской, пышный водопад волос катился за спину и тоже окаменел. За второй девушкой стояла третья — в пеньюаре, за ней — четвертая, пятая...

— Эту зовут Агата, — буднично говорил генерал, чеканно отбивая по брусчатке шаг, и его слова были такими же четкими и ледяными. — Бедняжка боялась мышей, но василиск страшнее любого мышонка, не так ли, фройлен? А это маленькая Гретхен, слышали бы вы, как она кричала. — Генерал поморщился и потащил меня быстрее, словно желая поскорее миновать это жуткое место. — Там стоят Катерина и Луиза. Они даже чем-то неуловимо похожи. Обе румяные и живые... были. А вот эта прелестница — Тереза. Видите, как она нахмурена? О, это не девица, а сущее наказание! Дочь громовержца, не иначе! По темпераменту вы с ней похожи, моя дорогая Мэрион. Вот только Тереза бесновалась, лишь оказавшись в моем замке, вы же устроили представление прилюдно, да еще сумели сбежать... — Он покачал головой. — Глупо, моя фройлен. Вернее, уже фрау Кёне-Мейердорф. Вы ведь понимаете, насколько это глупо?

Он не дал мне возможности ответить и махнул рукой при виде пожилого господина в комбинезоне садовника. Мужчина рыхлил землю, очищая ее от сорняков, но часто останавливался и протирал лысину широким клетчатый платком.

— Как дела, Бруно? Все ли готово? — крикнул генерал.

— Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство, — дребезжащим голосом проговорил садовник. — Хвораю маленько, ревматизм замучил, едрить его в корень. Но к сроку будет готово. — Он щербато улыбнулся, и морщины лучиками разбежались от его маленьких выцветших глаз. — Прелестница какая, позвольте мне заметить, ваше сиятельство. Будет истинное украшение для вашей коллекции.

— Коллекции? — возмутилась я, но генерал увлек меня дальше, к каменной лестнице, упирающейся в массивные резные двери.

— Вы будете седьмой, моя дорогая жена, — серьезно пояснил генерал. — Бруно готовит место для вас.

Я оглянулась, и садовник снова вытерся платком и помахал рукой. Сердце оборвалось и ухнуло куда-то вниз, я сглотнула ком и тяжело задышала, страх и гнев разрывали меня на части.

— Зачем вы это делаете? — повторила я, вырывая руку. — Почему убиваете своих жен?

— Думаете, мне нравится делать это, фрау Кёне-Мейердорф? — с неприязнью проговорил генерал.

— А разве нет?

— Отнюдь, — возразил он. — Проклятие тяготеет надо мной с отрочества, я не властен над ним и не в силах ничего изменить.

— Вы могли бы не жениться, пока не проверите свои чувства!

— Это невозможно, дорогая. Я военный, генерал, а на войне промедление подобно смерти.

— Но здесь не война.

— Пока еще нет, пичужка. Пока нет. Но попробуйте дать слабину и увидите, как эти псы вцепятся в ваше горло, под угрозой мой титул и моя должность.

— Неужели титул и должность ценнее чужой жизни?

— Намного. Я родился сыном герцога, но все детство провел на мельнице, потому что моей матерью была дочь мельника. Мне пришлось через многое переступить, чтобы подняться на ту вершину, где я сейчас нахожусь.

Вспомнились слова Жюли о том, что генерал откусил голову старшему брату, и я облизала пересохшие губы, но все-таки не сдавалась.

— Вы могли бы не снимать очки во время брачной ночи.

— Мог бы, но как иначе узнаю, снялось проклятие или нет?

— В таком случае устройте фиктивный брак. Дайте, наконец, девушкам время, чтобы они полюбили вас! Добивайтесь этой любви! Вы...

Он остановился и крепко сжал мои руки, повернувшись лицом и нависнув надо мной, как скала.

— Думаете, я не делал этого? — сдерживая ярость, тихо заговорил он, сверкая золотыми точками в глубине бездонных очков. — Думаете, мы не пытались? Первую жену я задаривал подарками, покупал лучшие драгоценности и платья, носил на руках, закатывал балы, я клялся ей в вечной любви. Искренне и пылко. Но разве она любила меня? О, нет! Она любила только мой титул и мои деньги, вернее, деньги моего отца, будь он проклят. — Генерал заскрежетал зубами и сильнее сжал мои запястья. — Она клялась в вечной любви, но не смогла снять проклятия. Потом была Агата, руки которой я добивался не меньше полугода, и она тоже водила меня за нос, распространяя грязные сплетни за моей спиной.

Как они все. И Гретхен, и Катерина, и Луиза, и Тереза. И теперь вы, моя дорогая Мэрион.

— Я не...

— Молчите! — Он прижал палец к моим губам. — Молчите, ради бога, или я прикажу высечь вас прямо здесь, на глазах у слуг и конюхов. Вы думаете, я снова поведу на прелестное личико? На юное тело? На пылкие клятвы и фальшивые слезы? Как бы не так. — На губах генерала зазмеилась кривая усмешка. — Вам не удастся завладеть ни моим имуществом, ни моим титулом, ни моим сердцем. Вы, все вы, моя дорогая, весь ваш лживый женский род, начиная со сводных сестер, которые тянут с меня на благотворительность, и заканчивая последними альтарскими шлюхами, которые мать родную продадут за бриллиантовое колечко. Вы просите милосердия, но сами готовы вонзить в спину нож. О, я хорошо вас изучил! — Он больно сжал мой подбородок, заставляя смотреть в лицо. Золотое сияние его глаз клубилось в зеркальной глубине, и я снова почувствовала уже знакомое головокружение. — Довольно глупостей и пустых надежд. Милосердия не будет, моя пичужка, оно умерло в моем окаменевшем сердце, а теперь умрете и вы. Но знаете, — тут генерал вздохнул и погладил меня по щеке, придав своему лицу задумчивость, — мне даже будет вас немного жаль. Немного! — Он сложил большой и указательный пальцы в щепотку. — Совсем чуть-чуть. Ну а сейчас вы можете сполна насладиться богатством замка Мейердорфского, замка Черного Дракона!

Перед нами распахнулись массивные двери, и дворецкий в черном строгом облачении низко поклонился старому хозяину и новой госпоже. Галантно, будто и не было никаких угроз, генерал взял меня за руку и ввел в огромный холл, выложенный черным мрамором. Напротив входа во всю стену мозаикой был выложен черный дракон — гребень острый, как зубья пилы, пасть оскалена, янтарные глаза полыхают злобой.

— Кристоф, проводите фрау Кёне-Мейердорф в ее комнаты, — холодно приказал генерал. — Весь верхний этаж в ее полном распоряжении, пусть ходит куда хочет и делает что хочет. За исключением одного... да вы знаете! О правилах замка сообщите сами, меня сильно утомили эти бессмысленные приготовления.

Хлопнув дворецкого по плечу, генерал вложил мою руку в его.

— А вы, дорогая пичужка, — обратился он ко мне, — если вновь вздумаете улететь, помните, что мост поднят, обрывы круты, а виверны голодны. И слуги отвечают за вас головой.

Дворецкий поклонился сначала генералу, потом его супруге и со словами: «Прошу вас следовать за мной, фрау», — повел через холл к витой лестнице наверх.

Я шла и считала ступени, шаги гулко отзывались в голове. Пичужка попала в золотую клетку, что ждет ее теперь? Я кусала губы и не особенно вслушивалась в бурчание старого дворецкого Кристофа:

— Внизу у нас столовая, госпожа. Там же кухня и комнаты прислуги. На втором этаже библиотека и приемная, но обе комнаты закрыты на ключ, и вам лучше не ходить туда.

— Почему? — машинально спросила я.

— В библиотеке много умных книг, которые не пристало читать юной госпоже, чтобы не засорять прелестную головку, — пояснил Кристоф.

Я тотчас возмутилась:

— Не думайте, что я дура!

— Вовсе нет. — Дворецкий слегка поклонился. — И все же лучше не раздражайте хозяина, он бывает вспыльчив. А в приемной уже давно никого не принимают. С тех пор как

умерли его сиятельство герцог Готтлиб фон Мейердорф и его несчастный сын герр Мартин.

Видимо, старший брат генерала, тот самый, которому...

— Это правда, что ему откусили голову? — шепотом спросила я, на всякий случай обернувшись, но внизу в холле никого не было, двери закрыты, а по бокам, как темные статуи, стоят часовые. Я вздрогнула и тронула лунную подвеску, с ней почему-то было теплее и спокойнее.

— Отрезали, госпожа, — меж тем поведал дворецкий. — Всего лишь отрезали.

— И генерала не привлекли за убийство? — Я вскинула бровь.

— Это было не убийство, а поединок, моя госпожа, — возразил Кристоф. — Его сиятельство бросил вызов его сиятельству, и его сиятельство этот вызов принял, но проиграл.

— Какой из сиятельств проиграл? — иронично хмыкнула я, хотя и так было понятно.

Проиграл Мартин, истинный наследник замка Черного Дракона, а победил Дитер, бастард, сын мельничихи. Законы в этой стране не уставали меня поражать.

— В западное крыло вам тоже ходить нельзя, — продолжал экскурсию Кристоф, зажигая лампу и поводя ею из стороны в сторону. Тени разбежались, спрятались по углам, как неуспокоенные призраки. Было прохладно, жутко и тихо, как в склепе. Правда, чисто, убирались тут на совесть, нигде ни паутинки, ни сора. Стерильная, каменная красота. Мертвая. — Там покои его сиятельства и его рабочий кабинет. Здесь ходите с осторожностью, господин не любит, когда нарушают его уединение.

— Скажите, какие мы нежные! — пробормотала я, но Кристоф меня не слушал и повел лампой вправо:

— А вот в восточное крыло господин строго-настрого ходить запрещает. Видите? Двери заперты на ключ.

Действительно, я увидела узкие двустворчатые двери, украшенные резьбой с изображением драконов и языков пламени.

— Там тоже покои его сиятельства? — спросила я, но Кристоф качнул головой и поджал губы.

— Нет.

— Еще одна библиотека? Кабинет? Спальня? Пыточная?

— Нет и нет.

— Что же тогда?

— Этого я сказать не могу. Просто запомните, что каждый, кто без спроса посмеет заглянуть в эту комнату, поплатится жизнью.

— Как интересно, — уныло ответила я и покосилась на двери.

Драконы с них подмигивали и дразнились раздвоенными языками, точно кричали мне: «Видишь? Тут есть какая-то тайна! Хочешь узнать ее?»

— Совершенно нет, — буркнула я под нос.

— Простите? — удивился Кристоф, но я мотнула головой:

— Ничего. Скажите, а есть в этом замке места, где ходить можно, не опасаясь гнева хозяина?

— Например, в ваших покоях, — угодливо пояснил дворецкий и повел меня на третий этаж. — Здесь есть все, что так необходимо юной фрау. Господин позаботился о вашей безопасности и забрал окна решетками. Видите? — Он поднял лампу повыше.

— Чтобы жены не сбежали? — спросила я, мрачно осматривая витые прутья.

— Чтобы не выпали из окна, — улыбнулся Кристоф. — Там отвесная скала, а внизу

острые камни и бурный поток. Но пройдемте же в спальню.

Он повел меня через анфилады комнат, украшенные гобеленами с изображениями драконов и рыцарских поединков, прекрасных дам и диких зверей, склонивших головы на обнаженные колени дев. Маленькие фонтанчики в нишах журчали, истекая чистой родниковой водой.

— Ее можно пить, — будто прочитав мои мысли, сказал Кристоф. — Здешние воды богаты минералами, способствуют здоровью и долголетию, улучшают цвет лица, избавляют от мигреней и быстро заживляют раны.

— Но окаменевшим девушкам не возвращают жизнь, не так ли?

— Увы, — вздохнул дворецкий. — Зато его сиятельство позаботился о гардеробе и украшениях для своих жен. Вы можете найти себе платья на любой фасон и вкус, подобрать диадемы, ожерелья, кольца, браслеты и серьги с бриллиантами, жемчугами, сапфирами, изумрудами, гранатами, рубинами, из золота, серебра и платины.

— Какая щедрость. И все это носили мертвые дамы до меня?

— Что-то носили, а что-то не успели.

— И спали в этой кровати? — Я покосилась на огромное ложе под балдахинном.

Комната здесь была украшена так же богато, как и предыдущие, но что-то тревожило меня, что-то казалось неправильным.

— Не волнуйтесь, госпожа, белье меняют каждый день, но, если вам не нравится именно эта кровать, в вашем распоряжении еще три. Хотите взглянуть?

— Не хочу. — Я со вздохом опустилась на ближайшую софу. — Я тоже устала, Кристоф. И хотела бы отдохнуть и принять ванну.

— В таком случае вы можете дернуть за этот колокольчик и позвать служанку.

— А я могу позвать Жюли? — встрепенулась я, вспомнив про верную подружку.

Бедняжка так просила забрать ее с собой, а теперь осталась наедине с отвратительной мачехой и ее недалеким сынком.

— Я доложу о вашем желании его сиятельству, — поклонился дворецкий и собрался уходить.

Я опять вздохнула, вытянула ноги и повернулась к трюмо, чтобы поправить прическу. Но наткнулась на пустые фанерные вставки и вдруг поняла, что было неправильным в каждой комнате, через которую меня проводил Кристоф.

— Эй! — окликнула я его. — А где же зеркало?

Он остановился на пороге, выкатив на меня бесцветные старческие глаза, и ответил как само собой разумеющееся:

— Их нет, моя госпожа. В замке Черного Дракона нет ни одного зеркала с тех пор, как его сиятельство принял титул.

— Но почему? — растерялась я и снова сжала спасительный кулон.

— Потому что наш хозяин василиск, — пояснил дворецкий. — Я думал, вы знаете.

Он снова поклонился и вышел из комнаты.

Я сразу же скинула неудобные туфли. Как только не потеряла их, пока путешествовала на спине виверны? Потерла гудящие и не очень чистые ноги. Чулок на большом пальце прохудился, оборки платья представляли жалкое зрелище. Я отцепила от юбки пару репьев и подумала, что вот бы сейчас в ванну! И черт с ним, с василиском. Как говорила Скарлетт О'Хара, об этом подумаю завтра. Зеркала... Интересная деталь, которая могла бы мне пригодиться. Только где их найти? У меня нет даже завалящего карманного зеркальца.

Я потянула за шелковый шнурок, где-то в недрах дома прозвенел колокольчик, и вскоре я услышала торопливые шаги. Вошла служанка, совсем не похожая на Жюли, полноватая и пожилая, с волосами мышиноного цвета, забранными в пучок. Она поклонилась и спросила низким грудным голосом:

— Чего фрау пожелает?

— Желаю купаться! — важно сказала я и содрала с ноги рваный чулок.

— Сейчас сделаю ванну, госпожа, — покладисто ответила служанка и поманила пухлой рукой: — Пожалуйста, пройдемте за мной.

Я оставила туфли у софы и пошла следом, на этот раз основательно глаза по сторонам. Вдруг мне снова удастся сбежать, несмотря на все предостережения генерала и его прихлебателей.

Ванная комната походила на другие. Те же гобелены на стенах, один из них изображал стайку женщин в восточных нарядах, они гуляли в цветущем саду и кокетливо прикрывались веерами. Под восточной картиной — камин с чем-то, напоминающим сушилку. Видимо, это она и есть: на рогатине висели махровые, в несколько раз сложенные полотенца. Пол был выложен кафелем, а сама ванна пряталась в деревянном футляре. Пышнотелая служанка, выставив круглый зад, разводила в воде какое-то эфирное масло, пахнущее чем-то сладким и успокаивающим. Я не очень любила ориентальные запахи, предпочитая свежие морские и изредка цветочные, но сейчас мое уставшее тело обволокла нега, я увидела теплые струйки пара, поднимающиеся от воды, и, поборов стеснение, позволила служанке раздеть себя и усадить в ванну.

Это ни с чем не сравнимое наслаждение — после долгого дня расслабиться и предаться неге среди мыльной пены и обволакивающих запахов. Служанка растирала мое тело мочалкой, а я едва не мурлыкала от удовольствия, подставляя ей спину и плечи. Надоевшие шпильки безжалостно выдернула из остатков прически и долго полоскала волосы, натирая бальзамом, который служанка лила мне на ладони. Потом, посвежевшая, разрумянившаяся и горячая после пара, я долго обтиралась огромным полотенцем, а служанка принесла мне платье, не такое пышное, как свадебное, но и не простое домашнее, в каком я щеголяла в доме фрау Кёне. Оливкового цвета, с удобным корсажем, оно село как влитое.

— Скажите... — Я замаялась, поняв, что не знаю, как обращаться к служанке. — Скажите, милая, носил ли кто-то это платье до меня?

— Нет-нет! — замахала пыщечка руками. — Это платье из последнего модного показа, его сиятельство купил его по случаю аукциона специально для вас, госпожа. Глядите, как оно прекрасно подходит к вашим волосам!

— Поглядела бы, да зеркал нет, — посетовала я, расчесывая рыжую гриву.

— Они вам и не нужны, — с легкостью ответила служанка. — Нарядить вас и я могу, а видеть вам себя незачем, женская красота предназначена, чтобы услаждать взгляды мужчин.

— Например, в виде статуй в герцогском саду? — не удержалась я от подколки.

Служанка вздохнула и закатила глаза:

— Ах, фрау! Если бы вы хотя бы попробовали!

— Попробовала что?

— Влюбиться в его сиятельство...

Я фыркнула, и служанка вздохнула опять:

— Не стоит огульно осуждать нашего хозяина и верить слухам, молодая госпожа. Вы ведь знаете только то, что о молодом герцоге говорят злые языки. А ведь в Фессалии

слишком много желающих очернить деяния его рук.

— Скажите пожалуйста! — возмутилась я, даже прекратив расчесываться. — Выходит, все очерняют вашего доброго господина? В чем проявлялась его доброта? Наверное, в том, что он погубил шесть невинных девушек? Или в том, что мое нежелание выходить за него замуж совершенно не играло для него никакой роли? Он привез меня сюда как пленницу, как жертву, как приговоренную к смерти! И наговорил такого... такого!

— Это правда, его сиятельство бывает несдержан, — согласилась служанка. — Зато хороший хозяйственник. Герр Мартин фон Мейердорф был отъявленным картежником и едва не спустил наследство с молотка. Наш новый господин сумел расплатиться с кредиторами и восстановить замок, вы наверняка видели, на северной стороне все еще ведутся реставрационные работы.

— Откуда же генерал взял столько денег, если герр Мартин почти разорился?

— Он выиграл две военные кампании, — с улыбкой пояснила служанка. — Одну в Кентарии, другую в Альтаре. Теперь Альтарская империя — колония нашего королевства, а его сиятельство стал королевским послом. А еще, моя госпожа, у нас самые знаменитые конюшни. Его сиятельство привез из Альтара невиданные породы лошадей и занялся этой... как его? Селекцией! Теперь только у нас самые выносливые, красивые и быстрые лошади породы мейердорфская черногривая.

— А еще виверны, — пробормотала я.

— Именно так. Его сиятельство одним из первых приручил диких виверн и гидр, и это оказало большое влияние на исход войны с Альтаром.

— А еще я видела, как ваш добрый хозяин избил кнутом горбуна.

— Ах, фрау! — всплеснула руками служанка. — Если побил, так было за что. Горбун Игор мелочный, завистливый и озлобленный человек, сплетник и подхалим. Опасайтесь его, моя госпожа.

— Буду, — рассеянно пообещала я.

Часы пробили три пополудни, когда позвали на обед.

— Спасибо, но скажите его сиятельству, что я наелась на всю оставшуюся жизнь вперед, — передала я Кристофу.

Он как ни в чем не бывало поклонился и исчез в глубине замка. А я начала кружить по комнатам и думать, что делать теперь? Решетки на окнах прочные, обрывы действительно глубокие, я выглянула в окно и ощутила головокружение: скала отвесно обрывалась вниз, а внизу тонкой серебристой лентой текла река. Где-то в небесной голубизне кружили горные орлы, и совсем далеко, за холмами, видимая только с южной стороны замка, лежала долина с уютными красными крышами и церквушкой, чья маковка золотисто отсвечивала на солнце.

Я глубоко вздохнула и в изнеможении опустилась посреди комнаты, бездумно таращась в пустоту, как вдруг послышались шаги.

Это снова был Кристоф. Остановившись на пороге, но не переступив его, он почтительно склонил седую голову:

— Госпожа, его сиятельство изволит повторить, что ожидает вас на праздничный обед в честь вашей свадьбы.

— Пусть ожидает, — равнодушно откликнулась я. — Передайте генералу, что я утомилась и желаю отдохнуть.

— Его сиятельство изволил передать, что в случае вашего отказа он самолично явится к вам.

— К чему такие сложности? — насмешливо хмыкнула я. — Разве его сиятельство не говорил, что все эти обеды, свадьбы, подвенечные платья и обмен кольцами — раздражающая чепуха? — Я покачала головой. — Скажите генералу, что я не приду. Обед можете принести сюда, Кристоф. Впрочем, я обещаю подумать, если сегодня ко мне придет моя Жюли.

[Купить полную версию книги](#)